

Владислав ШУРЫГИН

ЗЕНИТНАЯ ЦИТАДЕЛЬ

ЖЕЛЕЗНЫЙ ОСТРОВ

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Владислав Шурыгин

Зенитная цитадель.

«Не тронь меня!»

«Яуза»

2014

Шурыгин В. И.

Зенитная цитадель. «Не тронь меня!» / В. И. Шурыгин — «Яуза», 2014 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

«НЕ ТРОНЬ МЕНЯ!» – под этим грозным прозвищем Севастопольская плавучая зенитная батарея № 3 вошла в легенду. Этот «самый странный корабль советского флота» поставил абсолютный рекорд ПВО Великой Отечественной, сбив 22 фашистских самолета. Сделанная из «цитадели» (центрального отсека недостроенного линкора) и для бóльшей устойчивости посаженная на мель в Казачьей бухте, эта плавучая батарея прикрывала зенитным огнем жизненно важный Херсонесский аэродром, ежедневно отражая налеты противника. Казалось бы, неспособность маневрировать под бомбами должна была превратить зенитную цитадель в легкую мишень для асов Люфтваффе, однако наши моряки стреляли настолько метко, что немцы не могли подавить батарею 10 месяцев и разбомбили ее лишь после того, как «железный остров» израсходовал все боеприпасы. Этот роман восстанавливает подлинную историю легендарной батареи «Не тронь меня!». Эта книга – дань светлой памяти героев советского флота, павших смертью храбрых в боях за Родину.

© Шурыгин В. И., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

БАСТИОН НА ЯКОРЯХ	5
ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ	6
СЕРГЕЙ МОШЕНСКИЙ	11
«КВАДРАТ»	18
«НАМ ПРИКАЗАНО...»	34
ИСПЫТАНИЕ	43
ПЕРИСКОП НАД ВОДОЙ	47
«ТРУМНЫЙ РУТИН»	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владислав Шурыгин

Зенитная цитадель. «Не тронь меня!»

БАСТИОН НА ЯКОРЯХ

Прошло несколько лет после войны, и однажды, днем будничным и неприметным, в Северную бухту Севастополя буксиры ввели странное сооружение – подобие большой железной коробки.

Караван следовал мимо стоявших под парами серых громад крейсеров и невольно приковывал к себе внимание. С бортов кораблей, замедлив дела, смотрели моряки. Братва в белых брезентовых робах, круглолица, дотошная.

– Что за штуковина, ребята? Вроде бы как корабль, а ни кормы, ни носа...

– Гляди-ка – зенитки! Одна, две... четыре! Семидесятишестимиллиметровки! И прожектор в углу, разбитый... Странная посудаина...

– Сам ты «посудина»! Смотри!

Борта скользившей мимо железной коробки несли на себе черные подпалины – следы бывшего огня и дыма, доверяясь поводырям-буксирам, слепо глядели на свет выбитыми глазницами иллюминаторов...

Разговоры сами собой смолкли. И не воевавшим стало очевидно, что железная коробка честно прожила свой флотский век. Бывалые офицеры и старшины ее тут же узнали:

– Это плавбатарей! Знаменитая «Не тронь меня!».

– Легенда, а не корабль... Рассказать – не поверишь...

И тут же, сначала на одном, затем на другом, и так на всех кораблях, были отданы команды внимания и памяти. Над бухтой протяжно зазвучали гудки, матросы замерли по команде «смирно», офицеры взяли под козырек, приветствуя проходившую мимо плавбатарейю...

* * *

Годы отодвигают от нас прошлое. Память соединяет нас с ним.

Плавбатарейя... Что знаем мы о ней? Чем заслужила она столь долгую и прочную память?

...В этой книге нет вымышленных имен и ситуаций. Автор лишь неспешно и добросовестно прошел по следам минувшего.

ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКА

«В течение ночи 6 июля продолжались упорные бои на островском, полоцком, борисовском и новоград-волынском направлениях и бессарабском участке фронта.

На остальных направлениях и участках фронта происходили бои местного значения, ночные поиски разведчиков».

Утреннее сообщение Совинформбюро 6 июля 1941 года.

...и казалась она мирной, вечной, панорама летнего Севастополя: полуденное выцветшее небо, жаркое высокое солнце; полуподкова Константиновского рavelина, отгородившая от зеленого моря лазурную Северную бухту; раскинувшийся на холмах – всегда, сколько он есть – белокаменный город. Люди на улицах, багряные цветы на Приморском бульваре.

Жизнь не спешила менять декорации. Словно и не было войны. А между тем она уже шла.

Две недели под черными рупорами собирались молчаливые люди, и железный голос диктора вещал о сданных населенных пунктах, об упорных кровопролитных боях на всех участках фронта. Все чаще с наступлением темноты фашистские самолеты зловеще гудели над городом.

Весть о каждой упавшей в Севастополе бомбе передавалась как нечто чрезвычайное и в то же время как бы не имеющее никакого отношения к жизни города и его людей.

Сочетание привычного, мирного, с новым, тревожным, еще не укладывалось, не уживалось в сознании. Лишь одно виделось и воспринималось контрастно – флот. Он работал. Уходили в дозор и возвращались корабли. Многочисленные посты наблюдения и связи немедленно докладывали о появлявшихся самолетах противника, о координатах падения бомб и мин. Чуть свет водную гладь распахивали тральщики, пытаясь найти и подорвать сброшенные с неба магнитные, еще не известные нашим минерам «сюрпризы».

Ранним июньским утром к старому затону, где ржавели корпуса списанных на переплавку кораблей, спешил Бутаков – рослый моряк с нашивками капитана 2-го ранга.

Он выглядел бы куда моложе своих сорока семи лет, если бы не густая черная борода, прибавлявшая к истинному возрасту добрых пять лет...

Моряк хорошо ориентировался в печальном многообразии отживших свой век кораблей. По тонким обводам корпуса узнавал некогда бойкий миноносец... По толщине изгрызенного автогеном борта определял останки давно разобранного на металл дредноута... В щербатом, точно изъеденном оспой, тупоносом титане признавал пароход, поднятый ЭПРОНом с морского дна...

Моряк остановился возле притопленной громады – сооружения без кормы и без носа, некоего подобия громадного железного ящика. Задрал голову так, что обнажилась незагорелая кадыкастая шея, сощурился, осматривал борта странного сооружения высотой с шестиэтажный дом...

Бутаков знал размеры интересующего его объекта: пятнадцать метров в высоту, пятьдесят в длину, тридцать в ширину. Впрочем, что считать длиной, а что шириной – если так называемые були были как раз у меньших сторон квадрата... И если все это было тридцатиметровой «вырезкой» из огромной части – длины будущего корабля, то какой должна быть ширина его палубы? Сорок семь метров?!

У самых больших линейных кораблей, строившихся в стране, такой широкой палубы не было...

В 1941 году составляло государственную тайну то, что сразу на всех крупнейших судостроительных заводах была произведена закладка и началось строительство линейных кораблей нового проекта, каждый из которых имел длину 269,4, ширину – 38,9, высоту борта 10,4 метра. Вооружение – 3 трехорудийных башни с орудиями калибра 406 мм, 6 двухорудийных башен со 152-мм орудиями, 4 двухорудийных башни с орудиями 100 мм). На Балтийском заводе в июле 1938 года был заложен и строился линкор «Советский Союз», в Николаеве, на Заводе имени А. Марти в октябре 1938 года заложен и строился линкор «Советская Украина», в Молотовске, на северном машиностроительном предприятии за год до начала войны заложили линкор «Советская Белоруссия»...

Что касается громадной стальной «коробки», которая интересовала пришедшего к затону Бутакова, то история ее, возможно, и не относилась к уже стоявшему на стапелях и строившемуся в Николаеве линкору, а скорее к какому-то другому, почему-то не реализованному, проекту...

Железная «коробка» была опытным отсеком линейного корабля-монстра, его средней частью-цитаделью. В первой жизни испытывали, как поведет она себя в качку и в определенных аварийных ситуациях. Вторая ее жизнь свелась к испытаниям на живучесть. На ней испробовали действие торпед. Топили – не утопили. До снарядов дело не дошло. Снаряды приберегли для боевых дел, а плавучую мишень отбуксировали в корабельный затон, где и ржавела она, никому не нужная, вроде бы отжившая свой недолгий век...

Ах, люди, люди... Как любят они все новое, молодое, сильное. Как несправедливо порой спешат избавиться от того, что в силу времени либо других каких-то причин и обстоятельств стало вдруг невыгодно отличаться от этого нового, молодого. Если б только на кораблях переносили они свою поспешность... Если бы только на кораблях...

Через торпедную пробоину капитан 2-го ранга легко проник внутрь «коробки». Достал из саквояжа фонарик и, высвечивая им, долго ходил по пустым и гулким палубам, лазил по шатким ненадежным трапам, что-то прикидывал, высчитывал... Снова прошел в отсек, где зияла торпедная пробоина. В отсеке, словно в гроте, ритмично и звонко плескалась вода. Отраженные ею блики ложились на лицо моряка, дрожали и качались на стальных клепаных переборках...

Прислонившись к прохладной броне, Бутаков думал...

Идея переоборудования стального корпуса недостроенного линкора в плавучую зенитную батарею родилась в начале войны. В штабе флота зашел разговор о противовоздушной обороне кораблей и сухопутных объектов флота. Один командир флотской ПВО рассуждал вслух:

«Немецкие самолеты базируются на румынских аэродромах и потому летят к нам кратчайшим путем со стороны моря. Всегда со стороны моря. Так? На ложные обходы и маневры у них просто не хватит горючего. Ну и плюс ко всему фашистское нахальство, привычка переть напролом... Вот бы и встречать их в море, на сравнительно ближних подходах к Севастополю, чтобы у них уже не было возможности уклониться, обойти стороной встречающие их наши корабли».

Командир помоложе, но старше званием возражал: «Встречать кораблями?! Их зенитными средствами? Что вы, да об этом не может быть и речи! Противник только и ждет, чтобы вы вывели в дозор боевые корабли. Он бросит на них авиацию, подлодки, и попробуй тогда отбейся, отрази все это!» – «У немцев, по всем данным, пока что нет подводных сил на нашем театре военных действий. Авиация тоже большими массами не ходит... Впрочем, насчет кораблей вы, пожалуй, правы... Но делать что-то надо. Стянуть максимум зенитных средств к побережью... Жаль, что нет перед Севастополем острова вроде Котлина, на котором стоит Кронштадт...»

Этой фразой командир, сам того не подозревая, задел за живое присутствовавшего при разговоре Бутакова. И у него, в прошлом балтийца, возникла мысль о железном острове, расположенном впереди основных сил... А что, если... рукотворный железный остров?.. Поставленный на якоря корпус какого-то бывшего корабля? Плавучая батарея. История Российского флота знала такие примеры... Была в прошлом столетии на Балтийском флоте плавучая броненосная батарея «Не тронь меня!». Шестнадцать 203-миллиметровых орудий, обслуживаемых четырьмя сотнями моряков... Той батарее не суждено было прославиться в боях – хотя предназначалась она для борьбы с надводными силами противника... Тогда еще не требовалось охранять небо. Что же касается названия плавбатареи «Не тронь меня!» – она как бы грозно предупреждала «Берегись! Бойся меня!»

В данном же случае плавучий объект должен был противостоять вражеской авиации. На нем можно установить две батареи зенитных орудий, плюс счетверенные пулеметы – и такая огневая завеса наверняка будет преградой на пути вражеских самолетов, будет как минимум сбивать их с боевого курса.

Бутаков изложил свою идею на бумаге, подал подробную докладную на имя командующего Черноморским флотом. Командующий идею о создании плавбатареи одобрил и в свою очередь запросил разрешение на ее создание у Москвы.

С началом войны, когда немецкие летчики стали бомбить Севастополь, идея о строительстве плавбатареи вышла на видимый план. Иное дело – из чего ее построить и за какой срок?

Почему именно Бутаков взялся за подбор объекта для создания плавбатареи? Ответ на этот вопрос надо искать скорее всего в неугомонности и пылливости Григория Александровича, в семейных традициях Бутаковых...

Шесть поколений Бутаковых служило на русском флоте. Среди них были прославленные адмиралы и офицеры, командиры линейных кораблей и эскадр, мореходы-исследователи, строители русского броненосного флота... Видимо, от дедов и прадедов своих унаследовал Григорий Александрович беспокойный и пылливый характер.

Его судьба, судьба потомка прославленного морского рода, складывалась трудно. Октябрьскую революцию встретил на Балтике. Двадцатичетырехлетний офицер не сразу постиг смысл происходящих событий и какое-то время пребывал в растерянности и бездействию. Немало офицеров – сослуживцев Бутакова революцию и ее главный принцип: «Кто был ничем, тот станет всем!» не приняли. Далеко не каждый флотский офицер был готов делиться тем, что он заслужил кровью своей и предков. Далеко не каждый мог спокойно воспринять приказ № 1 о снятии погон, о равных правах с матросами, невольно сопутствующие этому расхлябанность, а то и анархию... Зачем им было заново стремиться стать «всем», если все это они имели? А становиться «ником», право, не хотелось... Наверное, надо было очень любить свое прошлое, чтобы не принять новое, настоящее. Они ушли за рубеж, в эмиграцию. Вместе с некоторыми боевыми кораблями. Они ничего не умели, кроме того, чтобы служить Отечеству, защищать его от иноземцев. А Отечество они вынужденно, но и добровольно потеряли. Кому они стали нужны? Григорий Бутаков тоже стоял перед трудным выбором. Он любил корабли и флотскую службу. Никакой другой профессии, кроме флотской, не имел. Чем зарабатывать на хлеб? Быть нищим и чужим за рубежом или делать свое привычное дело, зарабатывать на себя и на семью в новой, Советской, России? Трудно, очень трудно, но убедил себя – выбрал новую, во многом непонятную еще Россию и ее военный флот.

В 1918 году участвовал в знаменитом ледовом переходе кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт. В июне – июле 1919-го корабль, на котором служил Бутаков, вел бой с английскими миноносцами и катерами. В одну из ночей этот корабль подорвался на mine и затонул. Из всего экипажа спаслось девятнадцать человек. В их числе Бутаков. Видно, судьба решила сохранить его для дальнейшей службы и новых испытаний.

Почти двадцать лет прослужил Бутаков на Красном военном флоте. Служил бы и дальше: возраст сорок два года – самый расцвет сил, но... в 1938 году на флоте проходила так называемая «чистка». Григория Бутакова «вычистили». Уволили по недоверию. Как бывшего царского офицера и дворянина... Только, видно, не все складывалось в Красном флоте умело и ладно без опытных военспецов, надо было хотя бы перенять у них профессиональный флотский опыт. Именно этим можно объяснить то, что в 1940-м Бутакова снова восстановили в кадрах... Зачислили в апреле, а в июне того же года – снова «чистка», и на сей раз уволили как выслужившего сроки действительной военной службы и «за невозможностью использования в связи с сокращением штатов...» Что делать? Пенсия так пенсия. Бутаков подумывал об устройстве на работу в Ленинградском морском порту. По-прежнему никакой иной профессии, кроме моряцкой, не имел... Пусть хоть в порту – все ближе к кораблям и к морю. Без них не мог.

Со дня увольнения едва прошел месяц, как очередная кадровая чехарда в Наркомате ВМФ – приказ такой-то, пункт такой-то отменить, снова зачислить краскома Григория Бутакова в кадры как опытного специалиста и назначить уполномоченным постоянной приемной комиссии кораблей.

Сначала не поверил. По привычке ждал – опять что-то напутали. Пришлют уточнение, приказ отменяют и снова уволят... Ушел в себя, переживал. Одна была радость – сын Саша. Вымахал ростом с отца. Школу на «отлично» окончил. Мечтает стать моряком... (Он своего все же добьется, Саша. Но будет это несколько позднее. И звание командирское, флотское, заслужит...)

Медленно оттаивала душа. И неизвестно, оттаяла бы вообще, если б не новая работа. За казенной строкой «уполномоченный постоянной приемной комиссии» стояла сама жизнь, флот!

Бутаков входил в комиссию по приему новых боевых кораблей. Он радовался и удивлялся: флот получал великолепные подводные лодки, эсминцы и крейсера. Кто бы мог подумать, что за такое короткое время молодое государство рабочих и крестьян создаст такую судостроительную промышленность!

Судьба точно вознаграждала Бутакова за все выпавшие на его долю испытания. Свою новую службу Григорий Александрович в кругу семьи шутливо именовал «именинами сердца». Так оно и было!

С мая 1941 года капитан 2-го ранга Бутаков стал старшим уполномоченным приемной комиссии и в том же месяце был направлен на Черноморский флот в распоряжение Военного совета флота. Постоянно бывал на Севастопольском морском заводе, хорошо знал «окрестности» и, в частности, большой затон, где ржавели списанные корабли. Там-то и приглядел он этот отсек...

Плавбатарей... Сколько часов просидел Григорий Александрович, обдумывая варианты ее создания и использования! Сколько раз вот так, как в этот, приходил он на железный отсек, вымерял, пересчитывал, прикидывал...

В докладной записке и чертежах к ней, поданной на имя командующего, им была изложена суть идеи, а аргументы и доводы, конечно, при нем. Он был готов к любым вопросам, любым возражениям. Скажем, к таким: «Батарей могут разбомбить!» – «Могут. Война есть война. Но при хорошем зенитном вооружении и отличной слаженности личного состава разбомбить зенитную батарею не так-то просто». Это корабль в море имеет возможность маневрировать, уклоняться от бомб, но и стрелять ему по самолетом на ходу сложнее. А неподвижность объекта – его же достоинство. Она влияет на меткость стрельбы». «Батарей может торпедировать и утопить подводная лодка противника!» Он бы возразил: «Место стоянки плавбатареи следует оградить противоторпедными буйковыми сетями, установить на батарее два 130-миллиметровых орудия с боезапасом противолодочных, «ныряющих», снарядов, и тогда плавба-

тарей станет опасной не только для самолетов противника, но и для его подводных лодок! В конце концов, место стоянки можно выбрать с расчетом, чтобы не только плавбатарея прикрывала береговые объекты, подступы к нему, но чтобы и саму ее прикрывали и поддерживали наша авиация и береговые зенитные батареи. Словом, чтобы действовала она в системе противоздушного заслона Севастополя».

...Бутаков поднялся на верхнюю палубу. Солнце успело прогреть броневые листы, и от них исходило тепло...

Рука привычно потянулась к карману, где лежало курево.

Пальцем прижал, утрамбовал табак. Попыхивая дымком, с удовольствием раскурил трубку.

Бутаков попытался представить в центре палубы боевую рубку, вдоль бортов зенитные орудия и автоматы, на лобном, «почетном», месте – трубу дальномера... А еще ладных, молодых, готовых к бою парней в черной флотской форме и касках. Трепещущий на ветру Военно-морской флаг...

Бутаков ясно представлял будущее «коробки» – плавбатареи, ее третью жизнь! Теперь все зависело от Москвы, от наркома Военно-морского флота. Быть плавбатареё или не быть...

Взглянул на часы. Пора! Жизнь, подобно разогнавшейся карусели, почти не давала возможности неспешно подумать, отойти от круговерти дел.

СЕРГЕЙ МОШЕНСКИЙ

Лук, проклятый лук! Слезы застилали глаза. Стараясь глядеть сквозь туманные щелочки, то и дело отворачиваясь, женщина продолжала мелко крошить ножом лук и... порезала палец.

Бросила нож, подняла руку к губам... На кухню зашел муж. Встревоженно спросил:

– Что случилось?

Все понял без слов. Взял за руки:

– Как же так, Верочка? Надо осторожнее... Секундочку, я принесу йод и бинт! Секундочку!

– Нет! Нет! Никакого йода! – запротестовала Вера. Кровь капала на голубую в цветочках клеенку стола. – Ты же знаешь, я терпеть не могу йод. Сергей! Сергей! Ты слышишь? Только бинт!

Он все равно принес пузырек с йодом. Зубами надорвал хрустящую плотную бумагу, достал бинт...

Порез был глубоким. На клеенке образовалась лужица крови...

Сергей слегка побледнел – Вера знала, он не выносил вида крови, – быстро сделал два тампона. Один прижал к ране, другой смочил йодом...

– Вера, надо потерпеть... Мало ли какие микробы на кухонном ноже! Ты должна чуточку потерпеть. Я быстро... – Он приложил тампон с йодом. Слезы бежали по ее щекам. Теперь уже не от лука – от боли, но она терпела. Забинтовывая палец, он приговаривал: – Верочка, ты просто героиня! Секундочку потерпи... Умница! Вот и все!

Он привлек жену к себе, ласково, как маленькую, погладил по голове, по волнистым каштановым волосам... Рука у Сергея Мошенского – крупная. Природа не обделила его – он был крепко скроен, высок, готов к любой физической работе.

Вера взглянула на мужа снизу вверх, глазами, полными слез:

– Я-то героиня, а ты? Испугался, точно сам поранился. Как же ты воевать будешь, Сережа? На войне ведь людей ранят и убивают...

От неожиданно сказанных слов умолкла. Испугалась. Война-то уже шла! И на ней погибли люди... По лицу Сергея пробежала тень.

– А знаешь, ты ведь права... Надо перестраиваться, перевоспитывать себя, чтобы не растеряться, если вдруг рядом упадет товарищ, если рядом будет кровь...

– Что ты, Сережа! Что ты! – встревожилась она. Провела по лицу мужа ладонями. – Я не то сказала. Я глупость сказала. Никто рядом с тобой убит и ранен не будет. Все будет хорошо. На твоём линкоре, ты сам говорил, броня толстая. Ее снаряд не пробьет. Да?

– Да. Но насчет крови ты права... Все эти годы, как всякий военный, я готовил себя к войне, но, очевидно, есть на войне такие вещи, подготовиться к которым заранее невозможно... Кровь, раны, увечья, гибель боевых друзей... Однако надо себя обязательно перестроить, заставить стать настоящим бойцом. Вот такая теперь задача. Трудная задача, Верочка...

– Да, но, я уверена, ты сумеешь. Я увижу. Я уже вижу, Сережа. Но пусть все пули и бомбы пролетят мимо тебя. Моя любовь спасет тебя.

Он привлек жену к себе:

– Не совсем так, Верочка... Прежде всего я должен спасти, защитить нашу любовь. Защитить тебя и нашего будущего сына.

– Сына? Ты так уверен? А если дочь?

– Я буду любить ее, как люблю тебя.

– Значит, твоя любовь разделится между нами поровну и, следовательно, по законам простейшей арифметики, лично для меня уменьшится вдвое?

Он улыбнулся. Большой, добрый и такой домашний – в белой трикотажной майке, в сатиновых спортивных шароварах и кожаных тапочках на босу ногу...

Глядел в лицо жены, видел капризный изгиб уголков губ, почти детский каприз-обиду. Скоро Вере рожать, но беременность ничуть не изменила ее лицо. Напротив, оно стало нежнее и белее, а губы, подобно зрелой вишне, налились тугим ярким соком.

«Девчонка. Большая капризная девчонка... Боится, что я стану любить ее меньше... Разве чувства человеческие поддаются арифметическим подсчетам?»

Этот разговор любящих друг друга людей, неповторимый и в то же время обычный, как шелест листвы, как спокойное мерцание звезд, как ритм морского прибоя, происходил в крохотной кухоньке дома на Пироговке, в затемненном Севастополе.

И люди эти, как и тысячи тысяч других, пока еще были рядом, жили своими делами-заботами, пока еще не прервали связь с обыденным, привычным, но уже... ушедшим, довоенным временем...

Две недели назад Сергей и Вера жили в Ленинграде, где старший лейтенант Мошенский учился на курсах усовершенствования комсостава. То был самый счастливый год их жизни, потому что прожили они его не разлучаясь. Днем Сергей находился на службе, ездил на Охту, где размещались курсы. По вечерам (как несвойственно это службе военного моряка!) приходил домой. Какое счастье! Сначала, после долгой корабельной жизни, он не мог привыкнуть к столь роскошной, размеренной жизни. Не знал, как лучше распорядиться свободным временем, просыпался в четыре ночи или, напротив, вдруг не мог долго уснуть. Шутил: «Ну вот, вроде бы как подвахтенный... Может, ты мне какую ночную работенку найдешь?»

Со службы приезжал всегда в одно и то же время. По нему можно было проверять часы...

Сергей входил, заполняя собою маленький коридорчик, торжественно и мешковато вручал жене цветы или конфеты, а не было их – легко приподнимал, точно маленькую, целовал. Она вырывалась, смеясь, говорила: «Господи, теснотища-то какая! Ты прямо как медведь в берлоге, и ручищи большие, неосторожные!»

Сергей всегда, стоило ему сказать о его неловкости, еще более старался угодить, сделать жене приятное. Добродушно посмеивался: «Ничего, Верунчик, заработаем когда-нибудь отдельную квартиру, и коридор в ней будет просторный, большой!» – «Для тебя никогда ни один коридор не будет просторным!» – шутила она, а он улыбался, тая в себе мысль: «Да здесь, в Ленинграде – бывшем Петербурге, просторных домов сколько угодно. Только квартиры и комнаты в таких домах флотским старшим лейтенантам не дают...

Каждый выходной день они планировали. Спорили, куда пойти. Он великодушно уступал ей: «Хорошо, давай сходим еще раз в музей. На Кировские острова съездим в следующее воскресенье. Только погода, сама видишь, неустойчивая: сегодня солнце, а в следующее воскресенье может пойти дождь».

Шли в Русский музей. Пристраивались к какой-нибудь группе экскурсантов: так можно было больше узнать интересного. Сергей Мошенский любил живопись. Он хорошо рисовал цветными карандашами и акварелью. И там, в музее, стоя возле какого-нибудь известного полотна, шепотом говорил жене:

– Красота! Ты только посмотри – какая красота! Когда-нибудь попробую рисовать маслом...

Она, тоже шепотом, поправляла его:

– Художники не рисуют, а пишут!

– А я буду рисовать... – шутливо упрямылся он. – Людей-то я рисовать не умею, а природа у меня получается.

– И выставят твою картину рядом с этой! – подзуживала Вера мужа, кивая на картину «Ночь над Днепром».

– Точно. Только мою внизу, на полу, поставят!» – дурачился он, и находившиеся рядом экскурсанты-одиночки строго косились, как бы говоря: «И зачем пришли музей? Сидели бы себе на скамейке возле дома!»

Они не могли молча созерцать прекрасное. Им непременно надо было обменяться мнениями, чувствами.

В белые ночи они любили бродить по набережной Невы. Сергей восхищался величием и красотой мостов, способностью их возноситься над берегами реки: «Непостижимо, Верочка! В старину, при той технике, создать такое... И строили-то русские мужики-умельцы... Проект останется проектом, если не приложить к нему труд многих простых людей».

На Кировских островах Вера восхищалась природой, а Сергей то и дело предостерегал ее: «Осторожно! Я – первый, иди за мной!» Он ненавидел змей. Просто физически не мог терпеть, а их на острове хватало... В одну из поездок он убил палкой двух гадюк и сказал полусерьезно: «Сюда я больше не езду!»

По выходным старался сам готовить обед или ужин. На возражения жены категорически отвечал: «Нет, Вера, ты устала. Я все сделаю сам, и ничего со мною не случится!» Тут он был тверд, не уступал.

Сергею Мошенскому шел двадцать седьмой год.

На годичные курсы усовершенствования состава ВМФ он был откомандирован из Севастополя, с линкора «Парижская коммуна», на котором несколько лет служил командиром первой башни главного калибра. Для борьбы со скоростными военными самолетами противника флоту срочно требовались специалисты противовоздушной обороны. Мошенский переучивался на командира-зенитчика, осваивал отечественные противосамолетные орудия и автоматы, способы управления корабельным зенитным огнем. Он успешно сдал экзамены и готовился к отъезду в Севастополь...

22 июня Сергей и Вера пошли в центр города, на Невский, и там, при выходе из магазина, услышали сообщение о начале войны. По радио выступал В. М. Молотов.

– Опять эти немцы... – только и сказал Сергей. Таким замкнутым, сосредоточенным Вера его еще не видела. Он проводил ее до дома, где они жили, и заспешил в часть...

В Севастополь приехали в конце июня. В штабе флота старший лейтенант Сергей Яковлевич Мошенский получил назначение на должность флагманского специалиста зенитной артиллерии флота с постоянным местопребыванием на линкоре «Парижская коммуна». Назначением Сергей был доволен, особенно тем, что и в новой должности оставался он служить на своем линкоре.

Он торопливо входил в курс дела, но в самый разгар приема должности ему сказали, чтобы к 9.00 следующего дня быть в штабе ПВО ЧФ.

...Будильник на столике оттикнувал секунды тихого и зыбкого счастья.

– Сережа, зачем тебя вызвали в штаб?

– Не знаю. Мысли начальства неисповедимы... Что-нибудь по моей новой должности. Я же теперь зенитчик.

Не сам вызов в штаб – вызов для него, человека военного, был делом вполне закономерным, – а совсем другое, не укладывавшееся в рамки военной логики, беспокоило его. Почему командир разрешил ему сойти на берег? Немцы могли налететь на город, и он, Мошенский, казалось бы, обязан постоянно находиться на линкоре, а его, точно в мирные времена, отпускают домой да еще с каким-то непонятным раздражением обрезают: «Вам, кажется, ясно сказано, чтобы к 9.00 быть без опозданий в штабе ПВО флота у полковника Жилина. Всё».

Мошенский терялся в догадках. Интуитивно возникало в нем ощущение предстоящих скорых изменений; примерно такие же чувства испытывал он, когда его направляли в Ленинград на годичные курсы. (Вроде бы еще командир башни главного калибра, по документам, по

должности, а на деле не принадлежал уже ни башне главного калибра, ни кораблю...) Так и сейчас. Отпустили на берег, точно не своего... Непонятно...

– Сережа, слышишь, гудит? Самолет!

Приподняв голову, Вера прислушалась. Далекий ночной гул наплывал сквозь открытое окно. Вера встала с постели, подошла к окну.

– Сережа! Смотри!

По небу шарили огромные голубые лучи прожекторов.

– Красиво и жутко... – Вера зябко повела плечами. Мошенский рывком поднялся, подошел к ней. Ветер с моря растрепал волосы жены, прижал к ее телу тонкую ночную рубашку, и оттого казалась она беспомощной и маленькой.

– А ты не смотри, и не будет страшно! – Он решительно закрыл перечеркнутые бумажными полосами створки окна. – Отдыхай. Тебе надо хорошенько отдыхать, набираться сил.

– А вдруг самолет, который сейчас гудит, долетит до нашего дома...

– Не бойся, не долетит. Поднимутся наши «ястребки», откроет огонь зенитная артиллерия. Слышишь? Наши стреляют. Я же сказал. Ты лежи, я посмотрю.

...Он стоял возле окна, наблюдая за ночной стрельбой зенитчиков. Думал о своем корабле, Может, сейчас зенитчики «Парижской коммуны» стреляют: где-то в той стороне колышутся голубые лучи прожекторов...

Прожектора сошлись на крошечном серебряном крестике самолета, и в небе вокруг него и в самих лучах мигали, плясали искры разрывов... «Хорошо бьют, – подумал Мошенский и с замиранием сердца ждал: – Сейчас попадут, сейчас...» Но фашистскому летчику везло: сопровождаемый миганием близких разрывов, он уходил в сторону моря, и вот уже бледные концы прожекторных лучей перестали высвечивать его...

– Вера! – тихо позвал Мошенский.

Жена не отзывалась. Она уже спала. Едва он лег рядом, сонно пристроила голову на его руке. Она любила спать на его руке...

Мошенский думал об улетевшем фашистском самолете. Да, немец не прошел. Не пролетел. Но ведь он был один. И скорее всего ночной разведчик или самолет-минер, несший магнитные мины с парашютами...

«А если они налетят сотней самолетов? Прикроем ли город, защитим ли жителей? Ведь каждая упавшая на город бомба может унести чью-то жизнь...»

Он знал возможности современной авиации и зенитной артиллерии, был знаком с теорией вероятности и потому понимал, что при массированном воздушном налете защитить одновременно флот, береговые объекты, порт, город вряд ли удастся. А значит, бомбы могут упасть на Севастополь...

«Гады! Подлые, лживые гады! Ведь подписали с нашей страной «Пакт о ненападении». Теперь понятно для чего. Чтобы ударить неожиданно, чтобы застать врасплох!» Интуитивно он никогда не верил немцам. Во всяком случае, теперь так казалось. Как мало в жизни Сергея было счастливых дней!.. А теперь за свое будущее счастье надо сражаться. Ему стало неуютно, неловко от того, что он в эту ночь находится дома, а не на корабле. Ведь его товарищи не спят, воюют. Если бы не приказ быть утром в штабе флота, он был бы на своем корабле. И все же, все же, какое-то чувство, интуиция подсказывали, что завтра должно будет случиться, произойти в его жизни что-то новое, неожиданное, и корабль, его линкор, ощущался уже как не его, уже как пройденный этап в его флотской жизни...

Не зная, не догадываясь обо всем, что ждет их уже завтра, спит на его руке единственная в его жизни женщина, его любовь...

Их знакомство произошло как-то незаметно, во всяком случае, для Веры Поясовой. В 1934 году она окончила курсы электриков при Днепропетровском алюминиевом заводе и в июле была назначена, не по специальности, в глиноземный цех. В первый день пришла на завод

раньше других – электромастерская была еще закрыта. Стояла на солнышке возле железных дверей и обтягивала на себе непомерно большую и грубую куртку спецодежды. Мимо проходил какой-то парень. Остановился, поинтересовался, кого ждет девочка.

Вера подчеркнуто независимо ответила: «Жду начальника цеха». Она действительно должна была представиться ему. И уж никак не могла предположить, что худенький высокий парень, остановившийся возле нее в то утро, станет ее суженым!

Вере Поясовой только-только исполнилось пятнадцать лет, но выглядела она на семнадцать. Сергею Мошенскому в то лето было девятнадцать. Какое-то время она не замечала его, хотя он часто приходил к ним в мастерскую, получал материалы, беседовал с начальником, который, как позже Вера узнала, был его другом.

Никогда не интересовалась, кто он, этот худошавый парень, почему так часто приходит. Да и сам Сергей еще не мог признаться себе, почему зачастил в электромастерскую, чем привлекла его черненькая большеглазая девчонка...

Однажды ее послали на силовую подстанцию, начальником которой был он, Сергей Мошенский. Сергей почему-то очень обрадовался и даже растерялся, когда она появилась в его «владениях».

Девчонка сказала, зачем ее прислали, и он засуетился, заторопился. Когда вернулся, неся нужные ей детали, заметил, что она рассматривает энергооборудование. Увлечлась, не замечает его...

– Что, интересно? – спросил Сергей.

– Очень. – И призналась, что окончила курсы электриков, но работать по специальности пока еще не удастся.

– А хотели бы работать здесь?

– Еще бы! – только и ответила Вера.

Прошло полгода. Освободилась должность дежурного электрика. Веру перевели на подстанцию. Они стали работать вместе. Она называла его по имени-отчеству – тем более теперь Сергей Мошенский стал ее непосредственным начальником.

Сергей хорошо, до проводка, знал энергооборудование подстанции, в свое время он участвовал в ее строительстве и монтаже. Неудивительно, что любознательная девушка неплохо изучила свои обязанности и вскоре предстала перед квалификационной комиссией завода. Ей прибавили сразу два разряда. Был третий, стал пятый. Проработала еще полгода – получила шестой.

– Ну и темпы у вас, Вера! – искренне радовался Сергей. – Еще годок в таком темпе – и обгоните меня. Станете надо мной начальником.

Она задорно тряхнула косичками:

– А вы еще сомневаетесь?

Он по-прежнему оставался для нее очень взрослым человеком, Сергеем Яковлевичем, как казалась такой взрослой и двадцатилетняя Раиса Васильевна – начальник электромастерской. Однажды Вера узнала, что Раиса Васильевна выходит замуж. (У людей помимо работы и участия в комсомоле есть еще и личная, никому не ведомая жизнь!)

Неожиданностью было и то, что Раиса Васильевна пригласила ее на свою помолвку, и за столом рядом с Верой оказался Сергей Мошенский. Помимо родителей молодых за столом собрались все свои – комсомольцы завода. Было весело, пели, танцевали.

Вера не танцевала. Сергей, возможно, почувствовал, что она стесняется, стоял рядом, возле окна. Сказал, стараясь скрыть волнение: «Вера, у меня есть два билета на спектакль «Коварство и любовь». Пойдемте завтра в театр?» Согласилась.

На следующий вечер, в театре, она сгорала от стыда, и, пока в зале не погас свет, ей казалось, что все обращают на нее внимание, все смотрят на нее и Сергея Яковлевича.

Сергей же был доволен и счастлив. Он потом признавался, что она там, в театре, напоминала ему необычную редкостную бабочку, сидящую у него на ладони, и что он боялся, чтобы ее не вспугнуть, сделать резкое движение, сказать лишнее слово.

После спектакля она не разрешила себя проводить, заспешила домой по темной безлюдной улице. Он, конечно, последовал за ней. Шел на почтительном расстоянии. Ей же казалось, что ее преследуют хулиганы. Бежала что есть духу... Он потом смеялся: «Хорошо бегаешь, Вера. Пора на нормы ГТО сдавать». И услышал в ответ: «А я на них уже сдала. Хотите, завтра удостоверение принесу?» – «Верю, Вера!» – сказал так, и оба они искренне, весело засмеялись.

Минул еще год. Они продолжали встречаться, ходили в кино, в театр, беседовали о книгах, о жизни...

Ранней весной, едва проклюнулись на влажной, холодной еще земле первые цветы – подснежники, Сергей умудрился перед работой сходить за город и набрать крошечный букетик.

Первые цветы! Какая нежность, какая радость! Исподволь, незаметно, заполняла она Веру. Однако признаться себе в том, что между ними возникло большое чувство, она не могла. Считала все обычным – дружат, и не более. А что удивительного – такое было время, такой была молодежь тех годов!

Сергей же отчетливо сознавал, что все происходящее с ним – не просто уважение, привязанность, а нечто большее.

Как-то сидели они за городом, на нежной, по-весеннему яркой траве. Сидели, как не раз до этого – плечо возле плеча, но Вера почувствовала, что с Сергеем происходит что-то непонятное.

Обычно веселый, старавшийся избегать молчания (а может быть, боявшийся молчания!), он был задумчив и тих. Ей даже показалось, что он как-то странно, сдерживая себя, вздыхал. Коротко блеснули глаза из-под темных бровей, тронула губы недолгая, точно виноватая, улыбка, и по-прежнему молчит, покусывает травинку...

Может, у него горе? Может, что-то случилось, а она, бесчувственная, не догадывается спросить! Спросила.

Он повернулся к ней. Глаза наполнились нежностью. «Да, случилось. Я тебя люблю. Люблю, понимаешь, Верочка?» Вроде бы и вопрос, но он не ждал на него ответа. Порывисто привлек ее к себе, неловко, неумело поцеловал в губы.

Жаром полыхнуло ее лицо. Вскочила, убежала. Весь вечер проплакала. «Почему он вдруг так сразу, бесцеремонно?.. Я ведь даже и ответить ему ничего не успела... Мне рано еще любить. Да и с чего он взял, что именно его я должна буду любить! Скромник! Тихоня! Притворился таким хорошим человеком».

На работе старалась избегать его взгляда, по возможности не разговаривать. Но он подошел сам:

– Не обижайся, пожалуйста, Верочка. Я отношусь к тебе очень серьезно. Постой секундочку! Дело в том, что я скоро уезжаю служить на флот.

– Счастливого пути! – с легким вызовом сказала она. А голос совсем не сердитый...

– И только? – грустно улыбнулся он.

– Желаю хорошей службы!

– Я бы хотел сегодня с тобою проститься... Приходи на наше место...

– Не хочу!

– Почему? Что случилось?

– Ничего не случилось.

– Может, я чем-то обидел тебя? Я готов просить прощения. Приходи, пожалуйста, и я за все извинюсь. Завтра последний вечер...

– Я не приду.

Он не знал, что и сказать. Он вообще не терпел категоричности. Считал, что все можно понять, простить, даже глупость, если в основе ее лежит искренность, любовь одного человека к другому...

– Мне кажется, ты пожалеешь... А, Вера? Не пожалеешь? Ну, как знаешь...

Уйти не мог. Уйти – значит расстаться с нею на год, а то и навсегда. Сказал:

– Ты разреши мне писать тебе?

На следующее утро, завидя его, пришедшего на подстанцию, девушка вроде невзначай оказалась с ним рядом.

– Здравствуй, Верочка! – приветливо поздоровался он. – Может... может, ты все же сегодня придешь?

Промолчала. Стараясь казаться веселым, он пошутил:

– Молчание – знак согласия. – Заметил – глаза ее светились нежностью.

Потом были его письма с флота... Долгие разлуки и редкие встречи. Непросто шли они к своему счастью. У них была своя, личная «арифметика» любви: семь лет знали друг друга, три последних года из них были мужем и женою, и всего лишь год, предвоенный год, прожили вместе, неразлучно. Тот, что в Ленинграде. Жить бы да жить, но начавшаяся война, точно жаркая стена огня лесного пожара, беспощадно надвигалась на все живое и цветущее. И гибнут люди, рушатся судьбы. Какой будет их судьба?

Сергей Мошенский верил в то, что немцев остановят, отрезвят, погонят вспять, но как скоро такое произойдет? Вот недавно окончилась война с Финляндией, в ее начале многим казалось, что будет она нетрудная и недолгая, та война... А оказалось... Впрочем, о той войне почему-то предпочитают не вспоминать вслух и не говорить даже на военных сборах. По-прежнему популярна песня «Если завтра война», ее слова: «Мы войны не хотим и врага разгромим малой кровью могучим ударом!»

...Спит на руке Сергея Мошенского женщина. Жена. Совсем скоро станет она матерью. Скоро... Но вместо радости ожидания скорого чуда – рождения ребенка – на душе у Мошенского тревожно. Холодной змеей вползал в жилище, в их маленькую комнатку чужой, злоеющий гул летавшего в ночи самолета.

Сергей еще какое-то время прислушивался, не начнут ли стрельбу зенитки. Уже в который раз подумал: «Зачем меня вызывают в штаб ПВО?» Потом в памяти вспыхивали и гасли мысли о каких-то значительных мелочах, потом он забылся и уснул тихим глубоким сном.

«КВАДРАТ»

Столы стояли буквой «Т». Один – обычный, двухтумбовый, другой – почти во весь кабинет: за ним на совещании могли свободно помещаться человек двадцать пять – тридцать. Сейчас за большим столом сидел один Бутаков. Вице-адмирал Октябрьский, сцепив за спиной руки, стоял возле окна и глядел на море... Бутаков, касаясь бороною бумаги, торопливо читал столь долгожданный документ:

«...1. Начальнику ПВО флота полковнику Жилину сформировать отдельную плавающую батарею № 3 с содержанием по штату №... Основание: приказ НК ВМФ...

2. Начальнику тыла контр-адмиралу т. Заяц установить отдельную батарею № 3 на опытном отсеке линкора.

3. Начальникам УПП, ОРСУ¹ и командного отдела флота укомплектовать указанную батарею личным составом, а начальникам довольствующих отделов флота принять ее на все виды довольствия, согласно штату табеля и норм.

Срок окончания формирования – 15 июля 1941 г.

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал Октябрьский
Военный совет: член Военного совета дивизионный комиссар Кулаков,
начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал Елисеев».

Итак, плавбатарея будет! Бутаков уже слышал об этом в штабе. Теперь, прочтя приказ, Бутаков не мог сдержать довольной улыбки. Ощущал потребность высказать свою радость, но командующий стоял в прежней позе возле окна, и Бутаков выжидающе молчал...

Октябрьский смотрел на море. Он любил смотреть на море и теперь с легкой грустью подумал, что скоро, совсем скоро оно не всегда будет радовать душу: ему, как и всему штабу, согласно инструкциям военного времени, придется уйти в подземные помещения Южной бухты, на флагманский КП флота. Там уже находятся все основные службы...

– Прочли? – Октябрьский повернулся к Бутакову. – Сидите, сидите.

– Прочел, товарищ вице-адмирал.

– Довольны?

– Доволен, товарищ вице-адмирал.

Октябрьский сел за малый стол:

– Ну и какие выводы из всего прочитанного вы бы лично для себя сделали?

Бутаков не ждал такого вопроса. Пока что были только эмоции. Какие выводы мог сделать он? Что имеет в виду командующий? Может, пункт третий приказа об укомплектовании плавбатареи личным составом – командирами, старшинами, краснофлотцами?.. И прежде всего кандидатуру командира плавбатареи?

Бутакову на миг показалось, что как раз это неожиданное, невероятное, но столь давно и горячо желаемое им назначение – командовать боевым кораблем, людьми – имеет в виду Октябрьский. Почему бы не попытать счастья?

Бутаков встал; то, о чем собирался он просить, не полагалось говорить сидя. Стараясь скрыть волнение, сказал:

– Вывод для себя, товарищ командующий флотом, хотел бы сделать такой... Прошу поручить мне командование плавучей батареей. Доверие оправдаю.

¹ УПП – Управление политической пропаганды; ОРСУ – Организационно-строевое управление. (Здесь и далее примечания автора.)

В глубоко сидящих глазах Октябрьского вспыхнуло изумление. Не такого предложения ждал он от Бутакова. Улыбнулся. Коротко, недолго. Улыбаться адмирал не умел. Подбирая слова, сказал:

– Назначить вас командиром плавбатареи я, конечно, могу... Могу. Только судите сами... По наметкам, плавбатарея будет иметь полторы сотни личного состава и десятка полтора зенитных стволов. Выходит, корабль третьего ранга, так? Третьего ранга. Зачем же вам, старшему командиру, капитану второго ранга, идти на понижение, идти туда, где может командовать человек меньшего звания и меньшего жизненного опыта, чем вы? Какой резон?

– Но ведь война, товарищ вице-адмирал. Не до роста тут, не до должностей – главное, чтобы польза делу военному была максимальная. Об этом забочусь, но не о карьере. Вы же знаете, какой я «карьерист»...

– Ну, нет, Григорий Александрович, тут я с вами не согласен. Не согласен. На войну, на использование наших военных кадров мы должны смотреть с перспективной, государственной точки зрения. Здесь не только порывом душевным руководствоваться надо... Здесь без трезвого расчета не обойтись. Не обойтись...

Октябрьский вращал в пальцах карандаш. Развивал свою мысль. Не сразу, но довольно скоро «нащупал» он слабое звено в просьбе Бутакова: батарея будет зенитная, для борьбы с самолетами противника, а значит, служить на ней будут моряки-зенитчики и командиром ее непременно должен быть зенитчик.

– Не беспокойтесь. Без работы не останетесь. Найдем что-нибудь подходящее.

Бутаков вздохнул, и Октябрьский понял, что означал этот невольный вздох. Надоело человеку сегодня делать одно, завтра – другое, послезавтра – третье... Хотелось интересной постоянной работы.

– Давно пора вам, Григорий Александрович, стать капитаном первого ранга... В самое ближайшее время назначим вас на самостоятельный участок работы. А пока... Пока вот что...

Октябрьский стукнул тупым концом карандаша по столу, и стук этот – Бутаков знал – означал, что неофициальная часть разговора окончена и сейчас последует приказ.

– Поручаю вам взять под ваш личный контроль ход строительства и оснащение плавбатареи. Действуйте от моего имени. Строительство будет вести морзавод. Сегодня же свяжитесь с его директором Сургучевым. Ему указания относительно строительства уже даны. Через пятнадцать суток плавбатарея должна быть готова. – В голосе адмирала прозвучали твердые, категорические нотки.

Возможно ли за пятнадцать суток построить, оснастить, вооружить плавбатарею? Срок показался фантастически коротким, нереальным, но переспрашивать и тем более оспаривать приказ капитан 2-го ранга Бутаков не имел права. Он по-своему мудро решил сначала разобраться на месте в обстановке, войти в дело с головой, а затем уже, если будет необходимость, обращаться с вопросами и просьбами.

...Шагая по жаркому булыжнику улиц, наступая на скользившую впереди короткую собственную тень, Бутаков, казалось, не замечал прохожих. Механически отвечал на приветствия младших по воинскому званию, натренированными за годы службы глазами реагировал на равных себе и старших: рука сама собою взлетала к козырьку и, опустившись после приветствия, легко и естественно отмахивала в такт ходьбе.

На Графской пристани Бутаков долго ожидал рейсового катера. Щурясь от утреннего солнца, с удовольствием вдыхал йодистый морской воздух и не просто ощущал прилив сил, а вообще чувствовал себя вне возраста – так бывает с людьми, без остатка увлеченными любимым делом.

Катер не приходил, но хорошее настроение ничуть не портилось, было превосходным. Наконец-то и у него, Бутакова, есть настоящая, по душе работа!

Сам того не замечая, прохаживался по пристани, и стоявшие группкой молодые флотские командиры, тоже ожидавшие катер, с веселым любопытством, а кто-то и со свойственным молодости высокомерием уже поглядывали в сторону Бутакова: чужак кавторанг, разгулялся, точно на бульваре; видать, спец или инженер какой ведущий...

Бутаков не замечал никого, разве что время от времени бросал из-под густых бровей беглый взгляд на расплавившуюся в солнечных лучах бухту, которая могла бы показаться недвижимой, застывшей в сонной утренней неге, если бы не постоянный, ни на минуту не затихающий плеск маслянисто-тяжелых волн.

Четкая тень Бутакова плавно скользила по каменным плитам. Солнце резко высвечивало античные колонны знаменитых портиков Графской пристани...

Графская пристань! Сколько видела она за свою долгую жизнь! Однако именно сейчас все прошлое ее Григорий Александрович Бутаков отождествлял со своим сегодняшним. Вспоминал, находил приятные уму и сердцу своему ассоциации, а то и своего рода добрые предзнаменования...

7 ноября 1853 года на Севастопольский рейд под восторженные крики тысячной толпы на берегу пришли корабли.

Русский трехмачтовый, двухтрубный пароход-фрегат «Владимир» – паруса на передней фок-мачте зарифлены, на реях по традиции застыли фигурки матросов в белых робах, в ответ на восторг севастопольцев был произведен холостой залп победы...

На буксире «Владимир» вел турецкий десятипушечный пароход «Перваз-Бахри»² – перебитые снасти, трубы, как решето, на мачте, выше турецкого флага, развевался русский флаг, на палубе уныло стояли пленные турки.

«Владимиром» командовал предок Бутакова – капитан-лейтенант Григорий Бутаков. Он одержал победу в первом в истории бою паровых кораблей. За храбрость и военное искусство Бутаков был произведен в капитаны второго ранга и награжден Георгием 4-й степени. Сам Павел Степанович Нахимов, растрогавшись, прикрепил к штуртуку пунцового от волнения Григория Бутакова белый эмалевый крестик, полученный за победу в Наваринском сражении: «Пока твой из столицы прибудет – носи мой-с!»

Затем была война с объединенными силами Англии, Франции, Турции. Осада Севастополя... Багровое зарево пожаров освещало бухту и колонны Графской пристани, ревела пушечная канонада, вражеские ядра рвались на бастионах и на этих ступенях... Среди тысяч защитников Севастополя были Бутаковы. И вот, как говорится, все возвращается на круги своя: не прошло и ста лет, как Севастополь снова стоит на пути очередных завоевателей. Собранный, суровый, готовый к борьбе. И снова настал черед Бутаковых.

Капитан 2-го ранга Бутаков, как когда-то предки его, готов постоять за страну, за честь родного флота. Севастополь уже вступил в дело. То ли еще будет! Ни одна война не обошла его стороною. Не завтра, так послезавтра немцы навалятся на него большими силами. Надо быть готовыми. Надо построить и ввести в строй зенитную плавбатарейю. «Ввести в строй... А сроки? Какие немыслимые сроки!» Однако доверие командующего флотом, его спокойствие окрыляли, придавали уверенность. Если вице-адмирал Октябрьский верит в реальность сроков постройки плавбатареи – обязан верить и он! Поскорее войти в дело, установить очередность задач, разобраться, от кого что зависит, быть энергичным и жестким. Да, жестким, если требуется!

Думая так, Бутаков имел в виду свою «слабину» – постоянно сопутствующий ему некоего рода командирский либерализм в отношении к подчиненным. Энергии, самоотдачи в работе ему всегда хватало, а вот жесткости, увы...

² По-турецки – «Владыка морей».

* * *

На морзаводе он сразу же увидел то, что хотел увидеть. Возле дока, осев на плаву и чуть накренившись на один из бортов, стоял линкоровский отсек. По нему, словно муравьи, уже лазали люди. Огромный железный корпус будущей плавбатареи гудел и стонал: кувалдами отбивалась ржавчина, выносился мусор, откачивалась грязная вода...

В проектно-конструкторском бюро Бутаков впервые услышал, что объект строительства – плавбатарею условно назвали «Квадратом». За кульманами и чертежными досками рождалось то, что должно было стать плавучей зенитной батареей. Рождалось, как и положено, в муках. Бутаков стал свидетелем жаркого спора главного инженера завода Кривчика и главного строителя плавбатареи Лозенко, где быть главному командному пункту: на верхней палубе или под палубой.

«Данные о воздушной обстановке будут поступать от радарной установки по радио, будут наноситься на планшет, а находиться сам планшет и люди, управляющие боем, должны в спокойной обстановке. Во всяком случае, укрытые от осколков. Это дело новое, и его, Феликс Иванович, надо понять», – напористо говорил Лозенко.

Кривчик, среднего роста брюнет, в белой рубашке с закатанными выше локтей рукавами, резко возражал: «Да вот стараюсь вас понять, но не могу! Какое управление по радио? Корабль, «Квадрат» этот, в море, за десяток миль, и его атакуют самолеты. Его атакуют, понимаете? Какое тут радио? Надо, товарищ Лозенко, все учесть, а не только то, что будет он стоять на своих якорях как наблюдательный пост и докладывать, куда и как идут немецкие самолеты. На войне сторонних наблюдателей нет! «Квадрат» будут бомбить, будут стараться потопить, а значит, самолеты врага будут летать над самим объектом. Какое ж тут радио?! Мы и от голоса, от команды не всегда еще четко вести бой умеем. Командный пункт должен сам все видеть, а значит, должен быть наверху».

Бутаков слушал, посасывал пустую трубку. Задумался. Действительно, кто же прав? Работать планшетистам на верхней палубе нельзя, а под палубой командир ничего не увидит... Бой с воздушным противником – особый бой.

В спор включились двое специалистов зенитных устройств. Точнее, они не спорили, а неторопливо, обстоятельно изложили суть, основы современных требований для корабельных пунктов противовоздушной обороны.

После недолгого обсуждения приняли решение: ГКП разместить под палубой и передать ему функции общего и главным образом контроля дальней воздушной обстановки, контроль проходящих мимо «Квадрата» целей, а в боевой рубке и на мостике иметь все необходимое для управления боем в ближнем бою, при непосредственной атаке «Квадрата» самолетами.

В КБ было душно. Задернутые светлые шторы спасали от прямых лучей южного солнца, но уж никак не спасали от духоты. Бутаков вытер шею и лицо платком. С удовлетворением подумал, что, судя по всему, никого из кораблестроителей торопить не придется и грозное имя адмирала Октябрьского останется в душе, как символ особого доверия к нему, Бутакову, и не больше. Торопить же Бутакову придется только себя. Чтобы не отстать, быть в курсе всех дел.

– Может, помощь моя в чем-то нужна, Феликс Иванович? – спросил Бутаков Кривчика.

– Помощь? Безусловно, товарищ Бутаков, нужна. Пометьте, пожалуйста, крайне необходим большой дальномер – у нас на складах его нет – раз. Нужна опорная броня для... – Кривчик стал загибать пальцы. Он бы загнул их, наверное, на обеих руках, но на счете «шесть» Бутаков остановил его:

– Стоп, стоп, Феликс Иванович! Не все сразу, только самое необходимое. Да и не все я могу... Лицо я, как вы знаете, неофициальное, хотя кое-какие полномочия от командующего

имею. Постараюсь помочь. Похожу по тылам, побываю на артскладах, в учебный отряд загляну – у них хорошая техническая база...

На том и порешили. Бутаков постоял за спинами чертежников: на ватмане уже выявилась палуба, на ней – кружки, квадратики какие-то... «Что тут у вас?» – «База под стотридцатки». – «Сколько их будет?» – «Два орудия». – «А здесь зенитки?» – «Да, калибра 76 миллиметров». – «Четыре не мало?» «Больше – не получается – надо еще разместить четыре 37-миллиметровых автомата, счетверенные пулеметы, прожектор...» Бутаков удивленно повел головой – действительно, плотно. Такая зенитная силища на сравнительно небольшой площади...

Бутаков заспешил в штаб тыла.

На пирсе, возле дока, стояла в двухшереножном строю группа краснофлотцев, и молодой лейтенант что-то зачитывал им из блокнотика.

Бутаков еще раз с удовлетворением ощутил подспудную властную силу приказа командующего флотом. «Пошло дело! Морячки прибыли. Возможно, будущий экипаж...»

На следующий день, с утра, Бутаков направился на Корабельную сторону, в учебно-артиллерийский отряд.

Небо опрокинулось над городом и бухтой безоблачное, нежно-голубое. Оно еще не успело поблекнуть и выцвести от неумолимо усиливавшегося зноя: природа – точнейший механизм – уже запустила на небосвод солнце и постепенно увеличивала его высоту и накал...

Возле столба, на середине которого недавно укрепили черный раструб громкоговорятеля, Бутаков остановился. Послушал последние известия – сводку Совинформбюро.

На Северном фронте наши войска успешно противостоят немецким и финским дивизиям, стремившимся с ходу захватить Мурманск. Наступление гитлеровцев на мурманском участке остановлено...

Под Смоленском идут тяжелые оборонительные бои...

Войска генерал-полковника Кузнецова отбивают атаки фашистских войск на перекопских позициях, прикрывают Крым с севера...

«Вот, сволочи, лезут... Когда же наконец их остановим?! Может, не успели еще наши главные силы развернуться? Пора бы...» Как всякий военный, Бутаков в меру своей осведомленности, в меру кругозора своего оценивал происходящие события и при этом исподволь все чаще ловил себя на мысли, будто лично он в какой-то мере был виноват в том, что на фронтах происходит отступление и что немцев никак не могут остановить и побить...

«Надо бы как-то активнее флоту включиться в боевую работу. Поменьше нести береговой дозор, побольше поддерживать наши войска... Ну, хотя бы на побережье, под Одессой...»

Понимал, что горячится. Знал ведь, что флот занят делом – готовится к решающим боям – и свое слово еще скажет. Знал, что три наших лидера еще в июне совершили артиллерийский набег на румынский порт Констанцу, подожгли его, но на минах подорвался и затонул один наш эсминец, другой получил повреждение... Так что горячиться, без надобности рисковать кораблями нельзя. А на сухопутье, в Белоруссию, на Украину, туда, где происходят сейчас решающие сражения, корабли не двинешь. Надо ждать и быть готовыми...

В учебном отряде Бутаков прошел по классам, но ничего подходящего для плавбатареи не приглядел. Во дворе же неожиданно для себя обнаружил большой броневой щит от морского орудия Е-13. Обрадовался: что может быть лучшей основой для боевой рубки? Приварить к ней броневые листы, удлинить – и рубка! Но как доставить драгоценную находку с высокой горы, по узеньким переулочкам, через широкую Северную бухту к месту стоянки отсека? Ведь надо организовать целую экспедицию. Понадобятся люди, кран, специальная автоплатформа, машина для буксировки. И мало ли еще что потребуется. Где все это найти?

С невеселыми мыслями вернулся Бутаков на тральщик, где в одной из кают он временно жил. После ужина решал поговорить с людьми, рассказать им о своей находке: авось сообща

что-то и придумают. Встретился с моряками, потолковал о ближайшей задаче... Старшины поскребли затылки, задумались. Да, задачка... Потом поднялся старшина 1-й статьи Гуленко, рослый расторопный парень:

– Товарищ капитан второго ранга, знаю я этот щит. Мы, когда учились в отряде, в нем лопаты, голики, швабры хранили. Выделите мне десять матросов, и все сделаем.

Пояснять что-либо Гуленко не стал. Есть такие люди: пока дело не сделано, не решено – предпочитают помалкивать. Бутаков это знал и расспрашивать, что задумал старшина, не стал.

Пошел к командиру тральщика. Тот под ответственность Бутакова сразу назначил одиннадцать человек. «Учтите, Григорий Александрович, только на одни сутки. Своих дел – во!» – провел он ребром ладони по горлу.

На следующий день Гуленко с группой старшин и матросов направился на буксире на Корабельную сторону. Бутаков чувствовал себя неуютно, не удержался, спросил перед самым отъездом у Гуленко:

– Может, помощь моя нужна? Может, я нелишний?

На что старшина, хитровато щурясь, ответил:

– Вы для нас, конечно, нелишние... Однако будет лучше для дела, если мы все сами... Не беспокойтесь, товарищ капитан второго ранга, – флотский порядок будет!

Бутаков теребил бороду. Смотрите, мол, ребята... Пошел по своим делам – «выбивать» дальномеры и прочее корабельное оборудование, которое имел в виду главный инженер Кривчик.

Прошел день, прошла ночь. От Гуленко никаких известий не поступало: его группа на тральщик не возвращалась. Истекали сутки, и командир тральщика за утренним чаем многозначительно спросил Бутакова, едет ли он сегодня на Корабельную. Намек был ясен, как ясно и то, что командир тральщика был в высшей степени деликатным человеком. «Еду», – коротко ответил Бутаков.

«Что ж, попытка – не пытка, – успокаивал он себя. – Досадно только, что Гуленко так уверенно обещал и не выполнил. Практически он выключил меня из дела... Да и я хорош... И все же почему нет доклада хотя бы о неудаче?»

Катер шел по Северной бухте. Бутаков, нахмурившись, глядел на воду. Каково же было его изумление и радость, когда, рассеянно взглянув на встречный буксир, он заметил, что тот тащит за собой стотонный кран с орудийным щитом «в зубах»!

Бутаков сдернул с головы фуражку и, совсем как юный лейтенант, замахал ею встречному буксиру. Молодец Гуленко! Ай да молодец! Орлы, а не матросы! Вот уж действительно удалые головы, золотые руки! Стоявшие рядом с Бутаковым морские командиры и пассажиры катера недоумевали: чему так радуется капитан 2-го ранга?

...Едва окупился Бутаков в дела-заботы по строительству плавбатарей, как вышел новый приказ: его назначили командиром дивизиона кораблей Новороссийской военно-морской базы. Назначение радовало и отчасти огорчало. Радовало тем, что наконец-то ему доверен самостоятельный боевой участок работы – корабли, люди. Огорчало, что Новороссийск по сравнению с Севастополем был более «тыловым» портом и уж, во всяком случае, от него до сражающейся Одессы, в которую из Севастополя регулярно ходили корабли, расстояние было куда большим. Да и сам Севастополь оставлять было жаль... Хотелось последние в Севастополе дни провести на морзаводе, а тут так некстати дали новое поручение, пришлось работать на кораблях ОБРа.

Бутаков уже знал, что на плавбатарей назначен какой-то командир-зенитчик с линкора «Парижская коммуна», и было совсем не безразлично, кому доверили плавбатарей. Ревнивое чувство узнать, кто он, командир плавбатарей, побуждало Григория Александровича искать встречи.

Закрученный делами и заботами строительства «Квадрата», Сергей Мошенский даже несколько растерялся, когда на палубе лицом к лицу столкнулся с капитаном 2-го ранга Бутаковым. С Бородою, как называли его на флоте.

Бутаков протянул руку, спросил, точно убеждаясь, что не ошибается:

– Командир плавбатареи?

– Командир плавбатареи старший лейтенант... – по-уставному спрессовал свое представление Мошенский.

Он сразу произвел хорошее впечатление на Бутакова. Рослый, крепкий, чувствовалось – кадровый командир. Серые, точно подведенные копотью и гарью, глаза внимательно смотрели на Бутакова из-под козырька фуражки: еще бы, Сергей Мошенский столько слышал о старейшей флотской династии, а главное – перед ним стоял автор идеи создания плавбатареи!

– Рад, очень рад! – крепко пожал руку командира плавбатареи Бутаков.

Они стояли на палубе «Квадрата», среди кабельных бухт, металлических балок и броневых листов, среди работающих и спящих людей. Бутаков, взяв Мошенского под локоть, пригласил спуститься на пирс: там шума меньше, можно будет спокойно поговорить.

Бутакову хотелось узнать о командире плавбатареи хотя бы главное. Откуда родом, сколько ему лет, какое училище окончил, где служил...

Оказалось, что Сергей Мошенский родом из Запорожья. Работал на заводе электриком. Окончил рабфак. Был призван на флот и как передовой комсомолец с законченным средним образованием направлен на двухгодичные курсы командного состава. Служил командиром первой башни главного калибра. Затем – курсы командиров-зенитчиков в Ленинграде...

– На Охте?! – Бутаков оживляется, глаза его лучатся добротой. Коренной ленинградец, столько лет прослуживший на Балтфлоте, он прекрасно знает Охту. Курсы, конечно, не то, что высшее военно-морское училище, но если учитывать опыт послуживших на кораблях командиров и уплотненный годичный курс обучения, то, пожалуй, это не так уж и мало.

Бутаков поинтересовался штатами плавбатареи, ее командным составом.

– Пятьдесят человек из запаса? А знаете, это неплохо. В запас уходят, как правило, специалисты опытные, здесь главное не то, что эти люди из запаса, а кто они и сколько времени в запасе пробыли... Во всяком случае, запасники в самый короткий срок будут половчее новобранцев из школы оружия.

Частые тревожные гудки звучат над морским заводом. Воздушная тревога. Бутаков и Мошенский посматривают на небо: вражеских самолетов не видно, однако пирс и верхняя палуба плавбатареи пустеют. Моряки укрываются на нижних палубах «Квадрата».

– Ничего, – набивая табаком трубку, говорит Бутаков, – вот скоро поставят вам зенитки, и тогда встретите их активным огнем. А вот и немцы!

Со стороны моря, высоко в небе, показалась тройка маленьких голубых крестиков – вражеские бомбардировщики.

По пирсу, прямо на Бутакова и Мошенского, идут, не замечая их, два матроса. На плечах у них деревянный брус.

– Товарищи краснофлотцы! Вы что, не слышали сигнала воздушной тревоги? – как можно строже обращается к морякам Мошенский. Те останавливаются, и первый, богатырского сложения, набычив голову, отвечает без всякой робости с сильным украинским акцентом:

– Та хйба ж их переждешь, товарищу старший лейтенант? Они ж, бисовы диты, нам робыть не дадут...

«А он ведь прав, – думает Мошенский. – Вот и Бутаков хитровато посмеивается... Во всяком случае, придется оборудовать свой НП, назначить на нем старшим одного из лейтенантов и в зависимости от степени воздушной опасности управлять работами по строительству...»

Мошенский хорошо знает краснофлотца Ивана Тягниверенко, прибывшего на плавбатарею из морпограншколы. Тягниверенко до войны входил в сборную команду Украины по тяжелой атлетике, и теперь его недюжинная сила как нельзя лучше пригождается там, где по настоящему трудно и тяжело. А кто же второй?

– Кто с вами второй? – спрашивает он у Тягниверенко.

– Краснофлотец Филатов! – отзывается стоящий под дальним концом пятиметрового бруса незнакомый моряк.

– Товарищи, немедленно положите брус и бегом в укрытие! – приказывает Мошенский. Тягниверенко какое-то время медлит... Его крупные губы трогает виноватая улыбка:

– Товарищу старший лейтенант! Дозвольте... Нам же все равно в ту сторону бежать...

– Мы быстренько! – поддерживает товарища Филатов.

– Никаких «быстренько»! Прекратить ненужные разговоры! Выполняйте, что вам приказано, с первого слова!

– Есть, с первого слова!

– Есть...

Краснофлотцы положили брус и трусцой поспешили к «Квадрату». Бутаков по-прежнему молчит, покуривает трубочку. Он бы не осудил командира плавбатареи, если бы тот разрешил краснофлотцам отнести брус на «Квадрат», но теперь с уважением думает, что Мошенский поступил абсолютно верно: никаких, даже внешне полезных для дела, уступок командир делать не должен. Слово его должно быть законом. Это главное. Дисциплина расшатывается с малого, иной раз с такого соглашательства с «просьбой» подчиненных... Бутакову пора. Он прощается с Мошенским, желает командиру «Квадрата» боевой удачи.

– Надеюсь вскоре услышать добрые вести о вас и о плавбатарее!

– Спасибо. Постараемся, товарищ капитан второго ранга, оправдать ваши надежды.

Это была их единственная встреча. Больше на плавбатарею Бутаков не бывал и Мошенского не видел...

Однако кое с кем из знакомых ему краснофлотцев он еще встретится. Но случится это почти через год...

...Прошла всего лишь неделя, а Мошенскому казалось, что минул месяц. Дни и ночи слились в единое, неразрывное время.

Мошенский похудел, обветрился. Лицо и руки его, еще недавно по-ленинградскому бледные, успели приобрести крымский загар, глаза лучились энергией.

Честно сказать, он не ожидал, что создание плавучей батареи будет вестись с таким размахом, при участии стольких специалистов и мастеров морзавода. После беседы с полковником Жилиным в штабе ПВО у Мошенского сложилось представление, что плавбатарея будет чем-то вроде большой зенитной баржи. У Жилина все звучало куда как просто. «Оборудуете старый броненосный отсек, установите орудия, приборы – и на якоря, в море».

Мошенский думал, что в основном только его людям – будущему экипажу батареи – придется самим все оборудовать и устанавливать. А тут такое!

Сергей Мошенский испытывал необыкновенный подъем. Он готов был помогать каждому инженеру, каждому мастеру, готов был не уходить с «Квадрата» сутками – и действительно пропадал на нем, оставляя лишь несколько часов на сон. Однако он постоянно чувствовал какую-то тревожащую его раздвоенность души.

Последние пять лет он привык ощущать себя военным, и только военным. Он уверовал в то, что флотская служба – суть и стержень всей его жизни. И вдруг эта метаморфоза... Он – один из строителей батареи. С ним советуются, его теребят десятки людей. Он вдыхал знакомые запахи разгоряченного металла, вслушивался в гул станков и визг сверл, в голоса захваченных работой людей.

Оказывается, сохранилась в нем еще рабочая косточка. Вырос-то он в трудовой семье. Отец и четверо сыновей работали на заводе. Днепропетровский алюминиевый дал ему, Сергею Мошенскому, комсомольскую путевку в новую жизнь, на флот...

В эти дни строительства плавбатареи он порой жалел, что не может в полную меру выполнять какое-то одно дело. Приходилось быть одновременно и командиром, и инженером-судостроителем, и просто рабочим.

...Багровые от натуги моряки подтягивали стальные листы судосборщикам бригады Анатолия Распундовского, и те, рассыпая огненные искры, кроили их, подгоняли, экономя каждый сантиметр дорогостоящего металла.

Мастер Никита Рубан, с усталым лицом и красными от бессонницы глазами, размечал трассы трубопроводов и энергожгутов. В душном нутре «Квадрата» рядом с его бригадой работали электрики плавбатареи. В отличие от других своих подчиненных Мошенский уже знал их поименно. Наверное, потому, что втайне душой тяготел к энергетике.

Тугие и упрямые, похожие на толстенных удавов, энергожгуты сопротивлялись, не хотели укладываться по линии монтажа.

Недавний метростроитель краснофлотец Михаил Ревин, старшина-электрик Николай Кожевников и двое рабочих морского завода, стиснув зубы, что есть силы пытались согнуть неподатливые провода...

Мошенский не выдержал, уперся обеими руками, подналег. Силенка была: зря, что ли, все эти годы «качал» мышцы греблей и усиленной физзарядкой! Петля согнулась, пошла на место...

– Как мы его ловко: раз – и готово! Вот что значит вы, товарищ командир, вовремя подсобили! – Старшина 2-й статьи Николай Кожевников лукавил.

Мошенский засмеялся: помогла, мол, мышка-норушка вытянуть репку! Пошел на верхнюю палубу. Там ему не понравился жгут...

Взял монтажную схему. На свету, возле отверстия будущего иллюминатора, внимательно изучал ее, затем спросил мастера, почему жгут проходит по верхней палубе. Рабочий ответил: «Сказали крепить тут – стало быть, тут и крепим». Мошенского ответ не устроил, пошел наверх искать Лозенку. Нашел, доказал. «Попробуем обойти!» – пообещал инженер.

Низкими и узкими показались намеченные на броне мелом смотровые щели в боевой рубке. А может, виноват был собственный рост – 182 сантиметра...

Широко расставил ноги, примерился. Нет, не годятся. Небо просматривается плохо. А главное – небо. Батарея-то зенитная! В конце концов, именно ему, старшему лейтенанту Мошенскому, здесь стоять и через эту щель наблюдать. Снова говорил с инженерами, вместе нашли оптимальное решение.

Оборудовались погребам, велся монтаж элеваторов подачи снарядов. Ослепительно сверкали огни электросварки, к не остывшим еще переборкам крепились койки, трапы, крышки люков, устанавливались поручни и леерные ограждения. Гул компрессоров сливался со скрежетом и грохотом сотен сверл, зубил, чеканов...

В кубрике непривычно и приятно пахло свежим деревом – мастер Савелий Койча со своими столярами старался создать возможно больше удобств для зенитчиков. «Разве это жизнь, если кругом одно железо? – рассуждал Койча. – Кажется, невеликое дело – деревянный стол или скамья под казенным местом, а человеку приятно, и отдохнет он душой и телом, потому как дерево – это сама жизнь на Земле».

Порой могло показаться, что Мошенский и экипаж плавбатареи растворились в общей рабочей массе, в скрежете, грохоте и гуле... Но так только казалось. С каждым днем Мошенский все более обретал себя как командир.

Каждое утро на пыльной заводской земле выстраивалась разномастная, но уже довольно длинная цепочка старшин и матросов. Кто-то из лейтенантов рапортовал о наличии людей и

готовности их к работам. Такое было нелишним: подчиненные видели своего командира, он видел своих подчиненных.

Люди прибывали. Знакомиться с ними почти не было времени. В блокнот, сделанный из разрезанной пополам общей тетради, Мошенский уже занес фамилии пятидесяти человек, прибывших из запаса, а также старшин и краснофлотцев кадровой службы – радиста Дмитрия Сергеева, присланного из ОВРа, Михаила Бойченко – командира отделения сигнальщиков плавбатареи, из школы младших командиров, пулеметчиков Павла Головатюка и Устима Оноприйчука – с эсминца «Шаумян»... Отдельным списком значились краснофлотцы-зенитчики из Балаклавской школы морпогранохраны НКВД, народ дружный, подтянутый, постоянно готовый взяться за любую трудную работу. Они стали опорой Мошенского.

Прибыли на плавбатарею трое выпускников-лейтенантов из Черноморского высшего военно-морского училища. Таким подкреплением Мошенский втайне гордился – три лейтенанта с высшим военно-морским образованием! Хорошо, что молодые, только со «школьной скамьи». С ними легче сработаться. И Мошенский, не теряя времени, уже приглядывался к лейтенантам, изучал их; он привык к ним сразу и легко различал. Михаил Лопатко – коренастый, круглолицый, жизнерадостный, Семен Хигер – худой, чернявый, высокий; в меру почтителен и вежлив, но глаза с хитринкой. Николай Даньшин – серьезный, неразговорчивый блондин с тонкими чертами лица, самолюбивый.

Лейтенанты в свою очередь тоже приглядывались к Мошенскому, обменивались между собой первыми впечатлениями. «Командир как командир. Деловой», – сказал Лопатко. «А мне он что-то не очень... – заявил Хигер. – Во все сам лезет». Кого-то ему Мошенский напоминал... Педантичный, выдержанный, что-то постоянно перепроверяющий, чего-то вроде бы опасаящийся... Нет, первое впечатление лейтенанта Хигера было не в пользу Мошенского. Однако тем-то она и примечательна, военная служба, что командира подчиненный себе не выбирает, а потому должен четко исполнять порученное дело и забыть о своих эмоциях.

Даньшин от комментариев о командире воздерживался. Мнение же однокашников о Мошенском интересовало его постольку-поскольку...

... У фитилька – вкопанной в землю кадки с водой – собрались курильщики. Невысокого роста, широкий в плечах и оттого словно квадратный, старшина 1-й статьи Виктор Самохвалов курил вместе с другими старшинами и краснофлотцами.

Шел неспешный разговор о том, что немцы по-прежнему жмут и давно пора бы их, подлецов, остановить, погнать в те самые места, из которых они пришли, да там и отбить окончательно им охоту воевать. Было горько и неловко оттого, что где-то сражаются, жизни свои кладут, а они, молодые, полные сил, торчат, точно в самое мирное время, на пирсе морзавода и ждут очередного развода на работы. Не в дозор, не в поход, не в разведку, а на работу! Это угнетало и мучило. В представлении многих из них война была каким угодно действием, только не работой. Молодежь связывала ее с атаками, лихими походами, подвигами... Непросто отвыкнуть от мысли, что работа суть всегда созидание и благо... Скорее бы окончилась заводская пора, скорее бы в море, в жаркое боевое дело!

На молодом, но уже загубевшем от ветров и палящего южного солнца лице старшины Самохвалова постоянно жило выражение ожидания и сосредоточенности, внимательные глаза разом охватывали и тех, с кем курил он у фитилька, и тех, что стояли и сидели чуть поодаль, и вообще весь пирс с нагроможденными на нем материалами и корабельным имуществом.

Самохвалов мельком взглянул на большие карманные часы, сунул их в маленький брючный карманчик, ловким щелчком стрельнул окурков в бачок с зеленой, затхлой водой, подумал: «Пора объявлять построение!»

Есть люди, для которых стремление быть первыми, лучшими – сам смысл жизни, и на пути к этой цели готовы они недосыпать, недоедать – лишь бы не затеряться, не исчезнуть в

общей массе таких же, как и они с виду, людей. Скупая похвала командира – для них все одно что живительная влага для растения. Первое, самое незначительное отличие – радостное событие и долго не проходящая гордость. Такие люди полезны для общего дела. На них в немалой степени держится военный порядок и дисциплина. Самохвалов был таким человеком. В свои двадцать три года он повидал немало. Несколько лет служил на крейсере «Красный Кавказ», где прослыл метким комендором. Командовал расчетом МЗА...³

Неуемное стремление его день ото дня совершенствоваться было замечено еще там, на крейсере. Незадолго до войны Самохвалова, к большому огорчению его непосредственных командиров, назначили инструктором практического обучения в севастопольскую школу оружия. Человек спокойный и исполнительный, Самохвалов не слишком долго грустил о морской службе на живом корабле. Да и времени грустить не было. С увлечением стал обучать стриженных «под ноль» и потому казавшихся лопухими молодых парней боевой специальности зенитных комендоров. И теперь, на плавбатарее, он первым освоился с новой обстановкой и почувствовал себя как рыба в воде.

Назначал ли его кто или не назначал – только как-то получилось, что именно он, Самохвалов, один из полутора десятков прибывших в экипаж старшин, строил по утрам людей, лихо докладывал одному из лейтенантов о наличии батарейцев и, сделав таким образом приятное сердцу и натуре своей первое дневное дело, исполненный достоинства, становился на правом фланге строя, правее всех старшин.

Старший лейтенант Мошенский долго строй не держал. Отдал необходимые распоряжения, предупредил, что ожидается женская бригада маляров и потому экипажу следует проявить флотскую галантность, в меру возможности помогать им, а главное – не создавать неразберихи и заторов в неудобных для покраски местах. Прямо сейчас пройтись швабрами и тряпками по всем закуткам и палубам: краска, как известно, чистоту любит.

И все пошло заведенным порядком. Девушки-маляры прибыли точно в назначенный срок. Были они несколько неуклюжи в заляпанных всеми цветами красок просторных робах, но зато из-под аккуратных косынок выбивались девичьи кудряшки и глаза лучились добротой и достоинством.

Одна группа девушек-маляров красила белой масляной краской оклеенный пробковой крошкой подволок, другая с деревянных подвесок размалевывала серо-зелеными пятнами стальные борта – наводила камуфляж, который был необходим плавбатарее, чтобы слиться с морем, стать менее заметной.

Девушки работали несколько дней. Их уже знали по именам. Встречали как давних знакомых. Кое-кому из ретивых кавалеров пришлось от их строгости пострадать.

К старшине Самохвалову с виноватым видом подошел краснофлотец Капитон Сихарулидзе:

– Товарищ старшина, дорогой! Дай чистый бензин-керосин. Смотри, что с моими усами сделали!

Самохвалов и рад бы казаться строгим, да разве только слепой не заметит, не рассмеется: на лице Сихарулидзе до самых ушей были наведены зеленой краской лихие усы. Покраснев, как мак, то ли от стыда, то ли от возмущения, Сихарулидзе возбужденно вскинул вверх тонкие руки:

– Я что такое сделал? Ничего не сделал. Нэмножко, совсем нэмножко один дэвушка обнял. Ну, нэмножко пошутить хотел... Э, разве это плохо? А они меня схватили и усы испортили, видишь, да?

³ МЗА – малокалиберный зенитный автомат.

Самохвалов, сдерживая улыбку, сказал, что, так и быть, выручит, но в следующий раз пусть даже и не подходит...

– Большое начальство к нам! – слышалось рядом.

Самохвалов взглянул за борт: к плавбатарее подходил катер, да не какой-нибудь, а командующего флотом! Катер уверенно пристал к борту, и следом за матросом-швартовщиком на трап ступили двое командиров и вице-адмирал Октябрьский.

К командующему флотом спешил командир плавбатареи Мошенский. Видя все это, старшина Самохвалов прикрикнул на Сихарулидзе:

– Ну, матрос, беги на самую нижнюю палубу, туда, где темней! Не до тебя сейчас, не до усов! Да не высовывайся, а то самого командующего напугаешь, а он за это – всех нас!

– Товарищ старшина! Дорогой! Чкара – быстро побежим, успеем! – Сихарулидзе путал русские слова с грузинскими.

Сквозь шум и лязг донесся четкий рапорт командира плавбатареи командующему флотом.

– Видишь?! – делая свирепое лицо, указал рукой Самохвалов. – Не пройти теперь на бак. Прячься!

* * *

Среднего роста, подвижный, остроглазый, вице-адмирал Октябрьский за какой-то час успел побывать на важнейших постах и участках плавбатареи. Он подходил к орудиям, интересовался секторами их поворота и обстрела, подробно расспрашивал о средствах связи и предполагаемом взаимодействии с береговой противовоздушной обороной, заглянул в боевую рубку... Заметил главному строителю плавбатареи Лозенко:

– Что-то прорези высоковаты... Моря не увидите!

Владимир Акимович Лозенко не нашелся что ответить, выручил главный инженер Феликс Иванович Кривчик:

– А вы, товарищ командующий, взгляните на богатыря – командира плавбатареи! По нему и смотровые щели.

Находившиеся в рубке обернулись. Мошенский смутился.

– Что же он тут, вечный командир, что ли?

– Вечный не вечный, а ему вы доверили быть первым! – бойко парировал Кривчик.

Октябрьский помолчал. Еще раз окинул взглядом внутренность боевой рубки, буркнул: «Добро» и направился к выходу. Уже на верхней палубе спросил у инженеров, уложатся ли строители в сроки. Лозенко ответил чистосердечно:

– Трудновато, товарищ командующий флотом!

И опять пришел на помощь Кривчик:

– Для полной гарантии и надежности надо нам позарез, товарищ командующий, денька три к контрольному сроку добавить.

Октябрьский помедлил, снял фуражку, вытер платком блестящую от пота бритую голову.

– Добро. Три дня даю. И ни часу больше!

Судя по всему, командующий флотом остался доволен результатом осмотра. Уже на трапе, спускаясь в катер, взглянул снизу вверх на застывшего Мошенского:

– Командир! Людей учить немедленно! Отныне – никаких работ. Пусть заводчане доводят «Квадрат» до ума. Я им три дня добавил. А вашим людям нужны тренировки. Сколачивайте расчеты. Понятно?

– Понятно, товарищ командующий флотом! – несколько стусевавшись, ответил Мошенский.

Черные, глубоко сидящие глаза адмирала пристально глянули из-под лакированного козырька фуражки. Может, в эту минуту подумалось ему: «Не очень-то боек командир плавбатарей...» Однако по месту прежней службы флагманский специалист-зенитчик, в недавнем прошлом командир первой башни главного калибра линкора «Парижская коммуна», характеризовался как волевой, дисциплинированный командир и отличный артиллерист.

Тронув пальцами козырек, адмирал спустился в катер. Застрекотал мотор, голубое облачко дыма закружилось за расходящимися волнами...

«Всего неделя... За нее все надо успеть!» – подумал Мошенский. С этой минуты он прямо физически ощутил груз возложенной на него ответственности.

* * *

Улучив минутку, Мошенский забежал домой.

– Я всего на часок, Вера, – точно оправдываясь, сказал Сергей. – Завтра или послезавтра – подъем флага и... А пока доделки, доработки, учеба... Работы – выше головы.

– У меня плохая новость, Сережа. Приходили из штаба со списками. Сказали, что в ближайшие дни семьи комсостава будут эвакуировать из Севастополя... – Глаза жены тревожно блеснули.

– Знаю... – глухо ответил Мошенский, кашлянул, чтобы придать голосу обыденность. – Почему ты думаешь, что это плохо? Может, как раз будет лучше. Ты должна в спокойной обстановке родить ребенка. А здесь – бомбы, снаряды. Ты должна...

– Сергей! – обиженно остановила она его. – Ты же знаешь, я не люблю эти «должна», «должен»... Я не хочу никуда уезжать! У меня есть своя квартира, и она пока цела!

Он положил ей руки на плечи, заглянул в глаза:

– Успокойся. Тебе нельзя сейчас волноваться. Может быть, еще никого никуда и не отправят. Просто на всякий случай у них эвакуационные списки, должно быть все готово... Понимаешь? И потом, знаешь, эвакуация будет морем, пока нет плотной блокады. А если и отправят, то ведь не тебя одну, а всех женщин и детей. Война ведь... Мы должны быть спокойны за вас и не рваться к домам и семьям. Ты жена командира, и... ты сознательная. Ведь так?

Она грустно улыбнулась. Заспешила на кухню, говоря на ходу:

– У меня сегодня, как назло, ничего не готово... Ждала тебя каждый день. Была сегодня на рынке, мясо купила, а делать с ним ничего не могу: тошнит.

– Давай сюда! Я живо из него сделаю, что требуется. Отбивные, котлеты? Что вы желаете? – Он, шутя, обогнал ее, отстранил от кухонного стола.

Стоя возле окна, она глядела на него, и необъяснимый внутренний голос, казалось, твердил ей: «Запомни эту встречу! Скоро надолго расстанетесь... Гляди! Запоминай!»

Сергей крутил ручку мясорубки. Он по-прежнему был с «военным загаром» – у него загорели лишь кисти рук, лицо да шея. А хвалился ведь, что все подчиненные за дни строительства батареи загорели, как негры. Значит, сам ходит в кители...

Ел он с аппетитом. Старался шутить, но сам понимал, что сегодняшняя встреча с женой, возможно, последняя перед выходом в море. Он бы не был самим собою, если б не нашел времени сказать:

– Ну а теперь, Верунчик, давай на всякий случай обговорим вариант твоего отъезда. Если эвакуация все же будет, то, я считаю, тебе надо ехать к Ане, в Ташкент. Сестра поможет тебе с малышом.

Они прощались на улице, возле подъезда.

За какие-то час-полтора, проведенные дома, Сергей заметно преобразился, словно и не был он усталым, помятым, с руками, впитавшими красноватую ржу железа... Он стоял перед Верой в новой, с иголки, форме с сияющими латунными пуговицами. Стрелки на брюках

такие, о которых он когда-то любил говорить: «Дотронься – руку порежешь». Старую рабочую форму он уложил в чемоданчик, который теперь держал в руке.

– Ну, я пошел. Веселее, Верунчик! Мы же договорились...

И, уже отойдя несколько шагов, стремительно вернулся. Обнял, поцеловал крепко, до боли в губах.

– Все. Не хнычь! – отстранил от себя жену, стараясь не видеть ее глаз, и зашагал по старым каменным плитам тротуара. Лишь в конце улицы обернулся. Она махала ему рукой. Махнул и он.

...Первым, кого он увидел возле дока, был старшина Самохвалов.

– Как наши дела, товарищ старшина? – спросил он с привычной бодростью. Знал, что в его отсутствие произойти вроде бы ничего не должно, но справиться об обстановке считал нужным.

– Порядок, товарищ старший лейтенант! – в голосе Самохвалова Мошенский, однако, не услышал обычной лихости. Вроде бы как сник старшина, не глядел орлом. – Вас тут боцман дожидается... – тусклым голосом произнес Самохвалов.

– Какой боцман? – не сразу понял Мошенский.

– К нам на плавбатарею. У него предписание...

Ах, вот оно что... Мошенский все понял.

Должность боцмана плавбатареи до сих пор была свободной. Мошенский советовался с лейтенантами, кого из старшин на нее выдвинуть. Все сходились на старшине 1-й статьи Самохвалове. Наверное, и Самохвалов уже прослышал, что именно ему придется быть боцманом. И не только он – многие так считали... А тут прибыл боцман.

– Где он?

– Да тут был. Может, «Квадрат» осматривает...

– В звании каком? Молодой, старый? – поинтересовался Мошенский.

– Мичман. Тертый морячина.

– В годах, значит?

– Да, лет пятидесяти.

С боцманом встретились на палубе плавбатареи. Тот сам чутьем угадал в пришедшем командира плавбатареи.

– Товарищ старший лейтенант!

Мошенский внутренне даже вздрогнул – настолько густой, сильный, с хрипотцой голос был у обратившегося к нему человека.

– Мичман Бегасинский. Прибыл в ваше распоряжение на должность боцмана плавбатареи!

Даже по виду своему – боцман. Крепкий, кряжистый. Рука, налитая, загорелая до черноты, застыла у козырька мичманки. Блекло-карие глаза глядели спокойно, не мигая. Именно такими представлял Мошенский боцманов, читая морские рассказы Станюковича. У этого только серьги в ухе не хватает... Мошенскому стоило труда не улыбнуться. Протянул руку, поздоровался.

Рука у боцмана железная. «Если и характер такой же, то экипажу повезло», – с удовлетворением подумал Мошенский.

Боцман протянул листок-предписание.

– С какого корабля?

– С «Червонки»... Виноват, с крейсера «Червона Украина», товарищ командир...

Мошенский заметил, что боцман, разговаривая с ним, старательно налегает на слово «командир». На флоте так по традиции называют командира корабля. Не по званию, а одним этим властным словом. Мошенский поймал себя на том, что ему приятно такое обращение. Спросил боцмана, сколько ему лет.

– Сорок восемь. С 1893-го я.

– А на флоте с какого?

– С пятнадцатого... Салажонком забрили. В семнадцатом перешел на сверхсрочную. Хотел одно время уйти на берег, да расхотел. Так вот и трублю.

– Беспартийный?

– Почему же... – несколько обиженно прогудел Бегасинский. – Член ВКП(б)...

Мошенскому сделалось неловко. Не только оттого, что ошибся, а скорее потому, что сам он был еще кандидатом в члены партии. Вопрос о приеме будут решать коммунисты плавбатареи, его подчиненные. И, в частности, этот вот мичман – ветеран флота. Пока в парторганизации девять коммунистов. И вот еще Бегасинский. Надо же, какой бравый морячина!

Мошенский заглянул в предписание:

– Хорошо, Александр Васильевич. Значит, будем служить вместе. Пройдемте по «Квадрату», введу вас в курс дела. «Квадрат» – условное название нашей плавбатареи № 3...

– А что, есть еще две плавбатареи? – поинтересовался Бегасинский.

– Чего не знаю – того не знаю. Наверное, есть... Может, под Батумом, а может, вообще на Балтике. Вы сами-то, товарищ боцман, откуда будете? Семейный?

– Здешний я, товарищ старший лейтенант. Севастопольский. Семейный. Жена в городе. А вы, извиняюсь?

– Женат. Жена тоже в городе.

– А еще такие, как мы, севастопольцы, в команде имеются?

– Нет.

Мошенскому понравилось, что боцман по-флотски называет людей плавбатареи командой. Только уж как-то быстро уравнил он себя и Мошенского фразой: «А еще такие, как мы, севастопольцы, есть?» Боцман тем временем рассуждал вслух:

– Да-а... Кто знает, товарищ командир, лучше оно или хуже, что семьи-то наши рядом...

Неторопливо шли они по верхней палубе плавбатареи мимо работающих людей... Остановились возле носовых 37-миллиметровых пушек-автоматов. Лейтенант Николай Даньшин – потный, возбужденный, с часами в руке – проводил тренировку боевых расчетов.

– Самолет «противника»! Курсовой – девяносто, высота – две тысячи!

Тонкоствольные, с раструбами на концах пушки матово поблескивали в лучах солнца, бойко разворачивались вправо и одновременно поднимались к зениту. За каждой из них находился на своих боевых местах расчет – шесть краснофлотцев-зенитчиков.

Действия одного из расчетов контролировал старшина Самохвалов. Завидя краем глаза командира плавбатареи и боцмана, нарочито громко напустился на, видимо, замешкавшегося наводчика:

– Герусов! Не ловите ворон! Живее, живее! Рук не должно быть видно! Мелькать должны. Вот так! Вот так!

Все моряки в помятых, далеко не первой свежести робах. Лица и руки их черны от загара, блестят от пота, а к Мошенскому подходит одетый в выходное обмундирование краснофлотец. Среднего роста, розовощекий, чернобровый. Рука легко взметнулась к бескозырке:

– Товарищ старший лейтенант! Краснофлотец Рютин из увольнения прибыл без замечаний.

Казалось бы, какое увольнение, когда на «Квадрате» такая запарка! Оказывается, случай был особый: Рютин был в загсе, зарегистрировал брак с любимой девушкой. Произойди такое событие в мирные дни, ему бы предоставили двое-трое суток увольнения, а так... всего четыре часа.

– Вас можно поздравить? – В голосе командира прозвучала непривычная теплота.

– Да, товарищ старший лейтенант.

– С законным вас браком, Алексей! Вот разобьем врага, будет у всех нас замечательная жизнь. Теперь вы – человек семейный, и спрос с вас как с бойца двойной. Надо сделать все, чтобы поскорее приблизить и вашей семье мирную, счастливую жизнь. Так я говорю?

– Так точно, товарищ старший лейтенант!

Мошенский знает об этом парне немного. Алексей Рютин девятнадцатого года рождения. Из рабочих. В Ленинграде у него отец, мать... На плавбатарю прибыл с военного транспорта «Днепр», где был примерным матросом. Весной, перед войной, ездил в Ленинград в отпуск. Мечтал после службы приехать в Ленинград, и не один, а с женой... Война изменила планы, уплотнила их.

Наперекор всему решил он в эти трудные дни закрепить свою любовь официально. Пусть ждет его с войны не невеста, а жена. Об этом был у него с Мошенским недолгий, но доверительный разговор, и командир разрешил четырехчасовое увольнение...

Рютин заспешил переодеться в рабочую форму, а Мошенский, глядя ему вслед, подумал: «Нет, не прервала война жизнь! Люди еще сильнее любят и верят во все хорошее, что придет с нашей победой. Только, чтобы пришла она, надо всем нам очень крепко поработать. Может случиться, и кровь пролить, и жизнь отдать... И все же пусть будет военное счастье! И парень этот, Алексей Рютин, и я, и все другие люди хотят уцелеть на войне, хотят встретить победу. Пусть так будет!»

«НАМ ПРИКАЗАНО...»

ХРОНИКА.

«Приказ командующего Черноморским флотом от 4 августа 1941 года

1. С 3 августа 1941 г. числить сформированной отдельную плавающую батарею № 3.

2. Начальнику ПВО флота полковнику Жилину передать отдельную плавающую батарею № 3 в подчинение командира ОВР ГБ⁴.

3. Командиру ОВР ГБ контр-адмиралу тов. Фадееву принять отдельную плавающую батарею № 3 ...

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал Октябрьский Военный совет: член Военного совета дивизионный комиссар Кулаков, начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал Елисеев».

Плавбатарея № 3 охраны водного района Севастополя.

Длина – 50 метров

Ширина – 30 метров

Общая высота борта – 15 метров

Личный состав (экипаж) – 130 человек

Вооружение: 2—130-миллиметровых орудия

4—76,2-миллиметровых зенитных орудия

3—37-миллиметровые автоматические пушки

3—12,7-миллиметровых зенитных пулемета (ДШК)

2 – зенитных прожектора

Несколько позднее будет установлен счетверенный зенитный пулемет».

– Равняйся! Смир-но! Равнение на середину! – скомандовал Хигер.

На непросохшей еще после утренней приборки палубе отражалась в мокрой броне черная живая стена. Моряки стояли плотно, по трое в ряд. Сто тридцать человек...

Солнце еще не взошло. Настойчивый ветерок нагонял с моря прохладу. Было зябко и неуютно.

Лейтенант Хигер, стараясь казаться солидным в свои двадцать два года, скомандовал:

– Левый фланг! Подровнять носочки! Румянцев, не выпячивайте живот!

– А ему трудно, товарищ лейтенант! – весело пояснил кто-то из строя. – Он на камбузе две порции рубанул.

Вспыхнул недолгий, сдержанный смех. Хигер невольно улыбнулся, видя, как левофланговый, самый маленький из всех краснофлотец, шустро втянул живот и несколько отклонился назад...

Костю Румянцева за его несколько комичную внешность – широченные флотские брюки, не по росту просторный бушлат, а главное, за веселый нрав знали все.

Настроение в строю было торжественное и тревожное. Настал день, к которому они готовились более двух недель, а может, и всю свою довоенную службу, – день выхода в море, в точку якорной стоянки. Само слово «стоянка» рождало в душе тревогу. Моряк всегда, сколько он есть, – воплощение движения и борьбы со стихией. Движения на корабле сквозь живые горы

⁴ ОВР ГБ – охрана водного района главной базы (Севастополя).

волн, сквозь непогоду. Моряк всегда, сколько он есть, связан с мощными паровыми и электрическими машинами, с задачей умело управлять ими. Моряк – всегда сама ловкость и расторопность. А тут... Огромная железная коробка... Без хода, без пара, без руля. Непривычно...

Из-за боевой рубки вышла группа штатских и военных – приемная госкомиссия. От группы отделился командир плавбатареи.

Стараясь чеканить шаг по мокрой броне, лейтенант подошел к командиру батареи, четко доложил о том, что личный состав по случаю выхода в море построен.

Выслушав рапорт, Мошенский поздоровался с моряками. Мощное «здр...» гроыхнуло ему в ответ. Мошенский поднялся на мостик. Теперь он видел всех до единого человека. Строй ждал, что скажет командир. Выражение скованности на лицах сменилось вниманием.

– Товарищи! – Мошенский волновался. Ему не хватило воздуха. Он вдохнул полной грудью и с новой силой произнес: – Товарищи! Отныне мы – боевая единица Черноморского флота. Нам приказано выйти в море и стать на якорь на подступах к Севастополю...

Мошенский предельно коротко изложил основные задачи плавбатареи. Их было три. Первая: не допускать вражескую авиацию к главной базе флота, расстраивать зенитным огнем боевые порядки самолетов противника, срывая тем самым прицельное бомбометание по базе и кораблям. Вторая: быть готовыми к отражению атак подводных лодок и торпедных катеров. Задача третья: постоянно наблюдать за воздухом и морем, своевременно оповещать командование ПВО флота о появлении морских и воздушных сил врага, а также о сброшенных с его самолетов минах.

– Нам будет трудно. Особенно на первых порах... Жизнь всего экипажа будет зависеть от того, насколько быстро сориентируемся мы в новой обстановке, войдем в нее, от того, насколько быстро сладим нашу стрельбу, насколько метко будем вести огонь. Боевой корабль, когда его бомбят, может маневрировать, уклоняться. Мы же уклоняться, маневрировать не можем. Зенитчики наземных батарей могут во время бомбежки укрыться в блиндажах, в земле. Нам же укрываться негде и нельзя. Нам укрыться – значит погибнуть.

Стоявший за спиной Мошенского комиссар плавбатареи политрук Середа, плотный, смуглолицый, на полголовы ниже ростом, негромко кашлянул. Раз, другой... Не слишком ли командир плавбатареи сгущает краски? Надо бы говорить бодрее, оптимистичнее. Мошенский слышал покашливание Середы, но не обратил на это внимания. Полмесяца совместной службы – не срок, когда люди узнают привычки и особенности друг друга, когда умеют обходиться без слов.

– Неподвижность нашей батареи, – говорил Мошенский, – с одной стороны, ее недостаток, но, с другой, неподвижность эта дает нам возможность вести прицельный, поражающий огонь, возможность заранее пристрелять высоты и сектора... Мы хорошо вооружены. На таком островке чуть ли не полтора десятка орудийных и пулеметных стволов! Вы все здесь моряки и знаете: редко какой боевой корабль имеет такую плотность зенитных средств... Так я говорю, товарищи?

Строй качнулся, одобрительно загудел. Теплое чувство контакта с подчиненными у Мошенского тотчас же сменилось досадой.

«Нехорошо, Сергей... – сказал себе Мошенский. – Не митинг же. Все оттого, что не имеешь ты опыта работы с такой массой людей. Разве на линкоре в твоём подчинении было столько старшин и краснофлотцев? А командиры, какой пример я им подаю? Я должен быть краток, лаконичен и строг».

– Товарищи! Дело теперь за нами. Будем же железным островом впереди нашего славного Севастополя! Не посрамим чести и достоинства военных моряков Черноморского флота! Я верю в наши силы!

Мошенский умолк. В голове теснилось: «Все ли, что надо, сказал? Так ли, как надо?» Из-под плотно надетой фуражки – все же нашла место – пробилась по виску капля пота...

– У вас что-нибудь есть, товарищ старший политрук? – спросил у Середы.

– Да, – кивнул тот, привычно выступил вперед, подошел к брезентовому борту мостика. Хорошо поставленным, сильным голосом бросил: – Товарищи! Разрешите от вашего имени, от всех нас заверить командование флота, что личный состав плавучей зенитной батареи с возложенными на нее задачами успешно справится. Прошу председателя Государственной приемной комиссии довести нашу решимость и уверенность до командующего флотом вице-адмирала товарища Октябрьского и члена Военного совета дивизионного комиссара товарища Кулакова.

Прозвучало «Вольно!». Предстояло главное – выйти в море и стать на якоря. Сегодня же в «точку» прилетит самолет МБР-2 с конусом на тресе, и по конусу плавбатарей проведет свою первую практическую стрельбу...

Мошенский доложил председателю комиссии о готовности к выходу в море.

– Добро, добро! – прервал его председатель, сухонький, невысокого роста и уже немолодой капитан 1-го ранга. – Давайте команду на выход.

Сказал деловито и буднично, как говорил в своей жизни много раз, и всегда после его короткого приказа начинали работать машины и винты выбрасывали из-под кормы бело-зеленую кипящую воду...

Теперь все было несколько иначе. Подошли два буксира. С них неторопливо завели тросы, закрепили, совсем по-штатски, поговорили с командиром плавбатарей, уточнили курсы движения... (Всех служивших на буксирах моряков недавно переодели в военную форму, и, по сути, военного-то в них только и было, что эта форма.)

Прозвучала хотя и несколько измененная, но все же традиционная флотская команда:

– Плавбатарей к бою и походу приготовить!

Строй распался. Застучали, затопали матросские каблуки, замелькали в люках ловкие фигуры... Места по боевому расписанию заняли без суеты: каждый помнил морское правило – бежать на боевой пост, всегда имея море от себя справа. И от этого дружного, гулко-го топота, от бойких докладов с постов о готовности сразу повеяло родным, корабельным. На какое-то время отступило чувство неуверенности, скованности, диктуемое назойливой мыслью: «А все же не корабль...»

Струился, трепетал на ветру Военно-морской флаг. Буксиры, получив команду, дружно впряглись, пустили жирные клубы дыма, двинулись в путь.

Плавбатарей шла мимо рассредоточенных в бухте боевых кораблей, и моряки провожали ее молчанием. Они и представить себе не могли, что этот без собственного хода плавучий зенитный объект выводят в открытое море для боевых действий. Большинство, конечно, решило, что плавбатарей буксируют в одну из бухт. Но даже в этом случае те, кто видел выход плавбатарей, сошлись на одном: трудно будет ребятам...

Проплыли холмы и жилые кварталы Севастополя, остался слева Примбуль – так моряки называли Приморский бульвар... Из-за холмов, точно любопытствуя, выглянуло красное солнце, окрасило башню Константиновского рavelина в нежно-розовый цвет, рельефно высветило наверху несколько фигурок краснофлотцев-сигнальщиков, один из которых, издали, замахал флажками. Стоявший на мостике рядом с Мошенским командир отделения сигнальщиков Михаил Бойченко прочел текст:

– Товарищ командир! Константиновский желает счастливого плавания.

– Передайте: «Благодарю!», – бросил Мошенский.

Он смотрел по ходу движения плавбатарей, туда, где специальный буксир бойко оттягивал в сторону одно из «крыльев» стальной, с грязно-зелеными буйами наверху сети, которой наглухо запиралась бухта от визитов вражеских подлодок...

Миновали боны. Стало покачивать. Море! Свежий ветер заставил поплотнее натянуть фуражки и бескозырки.

– Командир! Может, людям надеть каски?.. – спросил комиссар Серeda.

– Пожалуй... – согласился Мошенский и распорядился: – Лейтенант Хигер! Палубным боевым расчетам надеть каски!

Звонким голосом лейтенант тотчас же продублировал команду.

– Правый сектор чист! Левый сектор чист! – время от времени докладывали сигнальщики.

Старшина 2-й статьи Куликов, ссутулившись над трубой дальномера, пританцовывал неподалеку от боевой рубки, скользя по горизонту голубой оптикой. Дальномер позволял видеть намного дальше, чем бинокли сигнальщиков.

Повернули вправо. Дым от буксиров накрыл «Квадрат». Стоящие на мостике заволновались.

– Даньшин! – сложив рупором ладони, прокричал Мошенский находившемуся на носу плавбатареи лейтенанту.

– Есть, Даньшин! – отозвался сквозь дым лейтенант.

– Передайте на буксиры: пусть поубавят дыму! Неба не видно!

– Есть! – принял команду Даньшин.

Стоявший на левом крыле мостика лейтенант Хигер удивленно подумал: «А что могут сделать буксиры? Убавят дым – значит, упадет ход. А ветер все равно будет класть дым на плавбатарею. Не лучше ли менять галсы? Идти зигзагами. Это дольше, но дым будет поочередно то по левому, то по правому борту...»

Мошенский и сам понял, что отданное им приказание видимость не улучшило. Он нервно покашливал, вытягивал шею, стараясь разглядеть, что там впереди...

Хигер поделился с командиром своей идеей. Мошенский нахмурился. Буркнул:

– Хорошо.

Подав команду изменять курс. Дым стало относить в сторону... Хигер ликовал. Морская жилка в нем есть, и это было приятно. Бодрый, готовый ко всему, стоял он на мостике и думал:

«Наконец-то кончилось наше бездействие. Я – настоящий боевой командир. Мне доверена батарея 76-миллиметровых орудий и сорок человек личного состава! Здорово, черт подери, я догадался сбить дым изменением курсов! Нет, что ни говори, а мичманская практика на лидере «Москва» не прошла даром...»

Радость сменилась короткой колкой болью. Лидер «Москва»... Один из быстроходных кораблей Черноморского флота. 25 июня, на четвертый день войны, он подорвался на mine возле Констанцы... После смелого набега на порт королевской Румынии, когда уже горел порт, в море, за дымзавесой, поставленной нашими кораблями, раздался подводный взрыв... Ребята с «Харькова» рассказывали, что подобрать плавающих в воде товарищей не было никакой возможности... Ни один человек из экипажа «Москвы» не вернулся из того похода...

Хигер явственно припомнил лицо командира корабля капитана 3-го ранга Тухова, его последний с Хигером разговор о том, что практикой мичмана он доволен и что будет рад видеть его на борту «Москвы» после окончания училища. «Глядишь, к тому времени и вакансия образуется».

Судьбу не угадаешь...

Вакансий на «Москве» не оказалось, и лейтенант Хигер вместе с одноклассниками – лейтенантами Михаилом Лопатко и Николаем Даньшиным – получил назначение на строящуюся плавбатарею... За три недели, что прошли со дня вступления в должность, Хигер успел втянуться в напряженный ритм морзаводских будней, но, как ни выматывала заводская работа, хотелось дела настоящего, боевого. А сегодня наконец-то – море, открытое море! Стоять на якорях впереди всего Севастополя... Непривычная, ответственная служба.

В отличие от лейтенанта Хигера настроение командира плавбатареи было куда более прозаическим. Кто-кто, а он, Сергей Мошенский, знал, что стоит сейчас он, все его орудия и люди,

не сделавшие ни единого боевого выстрела, не проводшие ни одного общего учения со стрельбой по воздушным целям... Успеть бы дойти. Успеть бы стать на якоря. А главное, самое главное – поскорее бы прилетел самолет МБР с конусом. Успеть бы провести стрельбу всеми орудиями и пулеметами, дать людям почувствовать силу оружия...

В расчетах было около двадцати кадровых опытных моряков-зенитчиков с боевых кораблей, но почти половина людей все же пришла из запаса... Тренировки и тренажи, «тихая» стрельба в бухте у стенки морзавода, конечно, дали некоторую слаженность, но разве можно ее сравнить с филигранной отточенностью действий зенитных корабельных расчетов?

Нет, никому бы на свете не признался Сергей Мошенский, что было у него на душе. Скверно чувствовал он себя в первые минуты после выхода плавбатареи в открытое море! Однако заставил себя успокоиться и внешне ничем не выдать своих сомнений, охватившей было неуверенности.

Движение к месту якорной стоянки, начавшаяся боевая жизнь захватили Мошенского, он даже вполне искренне пошутил по какому-то поводу. Лейтенант Хигер не без удивления воспринял шутку командира: еще недавно ему показалось, что после его предложения сбивать дым изменением курса Мошенский вроде бы обиделся.

Сигнальщик взволнованно доложил, что справа по борту, на высоте четыре тысячи метров, идет самолет противника.

Командир отделения сигнальщиков тотчас же классифицировал цель. В отличие от своих подчиненных, молодых сигнальщиков, старшина 2-й статьи Бойченко чувствовал себя уверенно и свободно. Голос его звучал, как на учениях:

– «Фокке-Вульф-189»! Разведчик!

Мошенский и Хигер вскинули бинокли. Оптика приблизила серый, хищно поблескивавший в лучах солнца корпус самолета, сделала отчетливо видимым его раздвоенный фюзеляж.

«Рама» не обратила на батарею внимания. Возможно, немецкие летчики отметили для себя, что в одну из бухт буксируется баржа. В море баржи, как известно, не ходят... Фашисты еще не гонялись за каждым мало-мальски видимым на воде суденышком.

«Рама» улетела. С буксира прокричали:

– Командир плавбатареи! По моим расчетам, мы в точке! Прошу свериться!

Мошенский подошел к пеленгатору, попросил комиссара стать чуть в сторонке, не заслонять кромку берега... Сдвинул на затылок фуражку, приник к визиру.

Знакомые очертания берега. Кача. Ее пеленг. Правее еще ориентир... И еще. Пересечение трех пеленгов на карте дает точку нахождения корабля. В данном случае – точку якорной стоянки плавбатареи.

Все правильно. Широта 44°40'. Долгота 33°30'.

– Точку сверил! Благодарю! – прокричал командирам буксиров Мошенский. Он чувствовал себя несколько скованно, но положение старшего из командиров кораблей обязывало его к решительным, четким действиям. Мошенский скомандовал: – Отдать швартовы! Буксирам отойти!

Буднично, вернее, как можно спокойнее сказал лейтенанту Хигеру, чтобы тот взял на себя наблюдение за воздушной обстановкой. Надо было становиться на якорь. Дело это несложное для любого корабля, на котором есть устройство для отдачи и выбора из воды якорь-цепи. Плавбатарея таких устройств не имела.

Старинный адмиралтейский якорь, одна лапа которого толстой изогнутой стрелой нависала над бортом, был временно закреплен пеньковыми тросами.

Боцман Бегасинский бросил лот на дно. По узелкам-отметкам высчитал глубину. Взметнув мокрую ладонь, доложил:

– Глубина восемьдесят метров!

Якорь-цепи хватит. Мошенский распорядился отдать якорь. Бегасинский и взятые в помощь матросы замерли с топорами возле канатов, под которые заранее подложили деревянные бруски. Боцман по-мужицки поплевал на корявые ладони, взял поудобнее топор. Предупредил матросов, чтобы не мешкали; едва якорь плюхнется в воду – возле якорь-цепи никого не должно быть! Говорили, что этот якорь некогда принадлежал трагически погибшему в Северной бухте Севастополя линкору «Императрица Мария». Во всяком случае, теперь он должен был начать свою новую службу, уже на военном Красном флоте, как давно уже несли ее бывшие царские корабли.

– Руби! – зычно крикнул Бегасинский, и блеснувшие лезвия нескольких топоров одновременно пересекли толстые канаты. Матросы кинулись врассыпную. – Поберегись! – Бегасинский с удивительным для своих лет проворством отбежал от якорь-цепи. И вовремя: по железной палубе, громыхая и лязгая, помчались за борт звенья. Возле борта взлетел фонтан брызг – якорь устремился в глубину.

Через какое-то время бешеный бег цепи замедлился. Звенья еще ползли по палубе, а Бегасинский со знанием дела, вразвалочку, подошел к ним, подождал, пока цепь замрет, остановится. Постучал ногой. Приложил ухо, прислушался. Громко доложил:

– Якорь держит!

– Хорошо, боцман! – с облегчением ответил Мошенский.

На плавбатарее не было даже примитивного брашпиля, и в случае ошибки с глубиной, в случае необходимости выбрать якорь не представлялось возможным. Мошенский вспомнил, как председатель комиссии довольно внятно сказал: «Станут на мертвые якоря».

Нестор Степанович Середа – военком плавбатареи – находился на мостике рядом с командиром. Вернее, старался находиться рядом, но постоянно ловил себя на том, что места своего на мостике, в прямом смысле этого слова, он еще не нашел. Еще не обвыкся среди флотских команд и действий людей. То вдруг заслонял обзор сигнальщикам, и те тактично огибили его, извинялись, когда ненароком задевали локтями; то занимал место, которое по штатному расписанию принадлежало лейтенанту Хигеру – командиру 76-миллиметровой батареи, и тот теснился рядом; то наступал ногой на провод переносной гарнитуры радиста... Словом, чувствовал себя непривычно.

Нестор Середа начал свою службу краснофлотцем на Амурской военной флотилии. Непродолжительное время был комендором, но затем его назначили в зенитную артиллерию ПВО, и с тех пор служил он только на сухопутье.

Полученные когда-то флотские навыки постепенно поутратил, а перейдя на политработу, стал больше вникать в души людей, чем в технику...

На плавбатарею получил назначение неожиданно. Служил военкомом на 54-й зенитной батарее, когда вызвали к члену Военного совета флота и тот сказал, что создается плавучая зенитная батарея, нужен комиссар. Нестор Степанович честно признался, что со спецификой военно-морских кораблей знаком слабо. Но член Военного совета, стоя под портретом товарища Сталина, спросил: «А что говорит товарищ Сталин о воле коммуниста?»

Старший политрук Середа, конечно, знал крылатые слова вождя о том, что на свете нет таких крепостей, которые бы не взяли большевики.

Следовательно, теперь Нестору Степановичу Середе предстояло «взять эту крепость» и заново освоить морскую службу.

Здесь, на «Квадрате», Середа увидел Мошенского несколько иными глазами, чем на берегу, где старший лейтенант был, в общем-то, обычным, привычным для психологии Середы командиром. Он говорил о вещах знакомых, делал понятную работу, а теперь... «Мошенский умеет брать пеленги, определять на карте точку стоянки плавбатареи, свободно ориентируется во флотских командах и терминах. Надо мне больше наблюдать, слушать. Поменьше говорить.

Особенно там, где дело касается морской службы. А пока моя забота – политическое воспитание бойцов и командиров».

Начальник политотдела ОВРа полковой комиссар Бобков не зря, видимо, предупреждал, что работы будет очень много. Экипаж пестрый, несколоченный. А сколачивать надо срочно: иначе просто-напросто утопят, разбомбят. Сложную военную обстановку военком Середа понимал и потому взялся за дело энергично, без раскачек. Тем более ему было на кого опереться: каждый десятый боец плавбатареи был коммунистом.

...Тяжелая кожаная кобура флотского, на ремешках, пистолета оттягивала пояс; придерживая кобуру рукой, Середа неспешно спустился по трапу на палубу. Решил не мешаться на мостике, пройти по орудийным расчетам.

...На прощание погудев, заспешили в Севастополь буксиры. Едва они скрылись из виду, как сигнальщики доложили, что справа по борту на высоте четыре тысячи метров идет шестерка Ю-88.

– Курсом на нас! – в голосе Бойченко прозвучала тревога.

Мошенский в бинокль следил за самолетами. «Думай! Решай! – сказал себе Мошенский. – Теперь никто над тобой не властен, надеяться не на кого... Связь с берегом только еще устанавливается. Берег на вызов радиста не отвечает. Что будешь делать? Медлить нельзя. Надо встретить огнем».

Мошенский обратился к председателю госкомиссии:

– Прошу разрешения открыть огонь!

Капитан 1-го ранга помедлил, покрутил колесико бинокля. Ему не хотелось поднимать стрельбу на все море, привлекать к не обстрелянной еще батарее внимание фашистских самолетов. Куда проще, спокойнее дождаться своего морского разведчика, с чувством, с толком пострелять по конусу, подписать после стрельбы акт и покинуть «Квадрат». Нет, пожилой капитан 1-го ранга не был трусом. В Гражданскую войну он хлебнул лиха: дважды тонул, лежал в лазаретах и госпиталях; но и ему, бывалому моряку, давшему путевку в жизнь многим боевым кораблям, теперь, по прошествии стольких мирных лет, приходилось заново перестраивать себя на военный лад.

Похоже, что немецкие самолеты действительно летели на плавбатарею. Капитан 1-го ранга знал, чем грозит промедление. Надо было действовать, и он с какой-то юношеской лихостью вдруг подумал: «А где, как не в реальных боевых условиях, в конце концов, по-настоящему испытать технику?!» Риск был огромный... Отобьется ли плавбатарея от шести «юнкеров»?

Но не открыть огонь – взять на себя не меньшую ответственность за последствия, которые трудно предвидеть...

– Действуйте, командир! Только внимательнее!

Мошенский уверенно скомандовал:

– Батарея, к бою! По группе Ю-88 ...

На левом крыле мостика лейтенант Хитер, на баке – Даньшин, на юте – старшина Самохвалов тотчас же повторили эту команду для расчетов орудий, автоматов и зенитных пулеметов. Все десять стволов повернулись в сторону летящих «юнкеров».

Странное ощущение владело людьми... Ясное, солнечное утро. Слово и не для боя, а для обычных испытаний вышло в море громоздкое сооружение – «Квадрат». Работали возле орудий расчеты. Устанавливали нужное возвышение орудий, брали необходимые упреждения. В казенники орудий были досланы боевые снаряды. Никогда еще в своей жизни эти люди не стреляли по реальным целям.

Немецкие самолеты агрессивности не проявляли, не разомкнули строя, не приняли боевого порядка. Шли двумя тройками. Два треугольничка из самолетов... Шли прежним курсом,

чуть правее плавбатареи. Только гул, назойливый, все более явственный и сильный гул чужих моторов холодком вползал в души людей.

– Летят, как на параде! – весело изумился наводчик Румянцев. Прищурившись, крутил рукоять наводки орудия: постоянно совмещал прицел по горизонту.

– Ничего... Сейчас мы им дадим под дых! – отозвался второй наводчик Бондарь...

– Разговорчики! – оборвал зенитчиков командир орудия старшина Камынин.

С мостика донеслось:

– По самолетам, наводить в головной, прицел... целик... трубка... Правый борт... залп! Громыхнули, выплеснули огонь орудия. По курсу и чуть ниже летящих «юнкеров» выросли, распустились три кучных белых облачка – разрывы зенитных снарядов...

Почему три разрыва? На правом борту, как и на левом, только два 76-миллиметровых орудия!

Видно, кто-то из командиров орудий левого борта не расслышал команду. А может, просто нервы сдали...

Лейтенант Хигер краем глаза заметил пороховую гарь возле орудия краснофлотца Лебедева, расчет которого наполовину укомплектован запасниками. «Растяпы!» – в сердцах подумал лейтенант. Расчет Лебедева тем временем торопливо перезаряжал орудие...

Мошенский, точно не видя «лишнего» разрыва, ввел поправку и тотчас скомандовал:

– Левый борт... залп!

К удивлению Хигера, слаженно ударили оба орудия. «Успели!» Разрывы легли позади первой тройки «юнкеров»... Непонятно, почему самолеты не ломали строй... Казалось, залп плавбатареи был для них неожиданностью, и они, возможно, сразу не поняли, в чем дело. В какой-то степени это так и было. Но уже следующий залп лег почему-то позади «юнкеров». Самолеты резко увеличили скорость. Тот, кто вел их, знал толк в противозенитных маневрах. На плавбатарею ждали, что «юнкеры» развернутся для атаки, но шестерка, чуть изменив курс, направилась в сторону берега, к Севастополю. Немецкие летчики четко выполняли приказ и на посторонние объекты не отвлекались. Вскоре стало слышно, как на берегу часто застучали зенитки...

– Что ж, малость поразмялись, – бодро сказал председатель комиссии. – Постреляли хотя и вполсилы, но с пользой для дела.

Мошенский деликатно кивнул, но про себя подумал, что если в следующий раз его батареи будут стрелять так же метко, то немцам, пожалуй, незачем менять боевой курс – достаточно сманеврировать скоростью. «Надо учесть и отработать с лейтенантами и вычислителями этот прием немецких летчиков, как только выкроится время. «Юнкеры» должны возвращаться. Кто знает, что затеяли они. Может, давно по радио вызвали других». В напряженном ожидании текли минуты...

Наконец «юнкеры» появились. Они стороной обходили плавбатарею.

– Товарищ старший лейтенант! – радостно доложил Бойченко. – А немцев-то пятеро! Одного нету!

Действительно, «юнкеры» возвращались впятером. Плавбатареи заулыбались, слышались шутки в адрес расчета Лебедева: «Вот, Леша, что значит добавить свой залп к нашему борту. У одного фрица горючее из дырявого бака вытекло...» Лебедеву было не до шуток. Как он опростоволосился, не расслышал команду? Наводчики подсказали, да поздно... Кто-кто, но он, Лебедев, не имел права ошибаться. В его флотской службе однажды случилось такое, что требовалось и теперь выправлять, заглаживать примерной службой. Что именно? Об этом Лебедев вспоминать не любил. Никогда. Ни при друзьях, ни наедине...

Против фамилии Лебедева в блокноте комиссара Середы стояла пометка: «Был в дисциплинарном батальоне». Между командирами еще при комплектовании орудийных расчетов был разговор, можно ли доверить зенитчику Лебедеву расчет. Во время строительства плавба-

тарей и при тренировках боевых расчетов Лебедев хорошо себя проявил. Да и дисциплинарный батальон был в прошлом... Сколько можно помнить плохое? «Давайте доверим», – предложил тогда Мошенский. Лейтенанты Хигер и Лопатко его поддержали. Лейтенант Даньшин промолчал. Середа осторожничал: «Я бы не рисковал, но можно попробовать...»

Назначили Лебедева командиром орудия. И вот в первом же бою он «отличился»...

«Ах, Лебедев, Лебедев, – досадовал Хигер. – Вроде бы расторопный краснофлотец. Наверное, от напряжения... Посмотрим, как дальше дела пойдут».

«Говорил же я им!» – сокрушался комиссар Середа.

«Переволновался Лебедев... И от чрезмерного старания такое случается. Надо будет поддержать парня, чтобы не надломился», – думал после боя Мошенский.

Команды «Отбой» не было. Люди по-прежнему находились в готовности возле орудий.

На мостике «заседала» госкомиссия. По установленной наконец с берегом радиосвязи узнали, что обещанный самолет МБР-2 с конусом для стрельбы прилетит только завтра.

– Откладывают, как будто нет войны... – недовольно проворчал один из членов комиссии.

– У авиаторов тоже дела есть, – возразил председатель. От его негромкого, с хрипотцой голоса, от попыхивания трубкой исходила сама уверенность, и командиры на мостике успокоились, заулыбались.

Хигер пошутил:

– Ничего. У нас и без них «мишеней» хватит! Все летающие немцы – наши.

– Молодец, лейтенант! – похвалил Хигера председатель госкомиссии. – Отстреляемся еще разок-другой, и порядок. Желательно, конечно, чтобы пострелять по ним до трех тысяч метров. Надо автоматы проверить. Тогда с легким сердцем поставим вам зачет, и воюйте во славу русского оружия.

Мошенского несколько покорило это «желательно до трех тысяч метров...».

Будто плавбатарей вольна выбирать высоты для стрельбы по противнику. Попросил Середу еще раз пройти по расчетам, побеседовать, чтобы люди не расслаблялись.

– То, что мы постреляли по немцам, Нестор Степанович, значит пока одно: им стала известна наша точка якорного стояния. Сегодня же они доложат об этом своему начальству, и надо ждать «гостей». С воздуха и из-под воды.

При последних словах Середа удивленно взглянул на Мошенского: очевидно, до него не сразу дошел смысл слов о подводном противнике. Он заторопился с мостика.

Бегать по трапам комиссар еще не умел – спускался лицом к ступеням.

Кок Иван Кийко приготовил ужин, и присланные из расчетов бачковые веселой группкой толпились возле люка на камбуз.

Кийко показался из люка. Приветливо махнул – прощу, мол, братцы. От фигуры кока веяло силой. Надетый на тельник белый фартук не мог скрыть его богатырские плечи, руки в шарах мускулов. Глядя на него, можно было подумать: такому силачу пудовые тяжести таскать, а не на камбузе работать. Но стоило увидеть, как легко, играючи, без подсобных и помощников управляется Иван с сорокалитровыми кастрюлями и бачками, стоило хоть раз отведать приготовленный им флотский борщ, как становилось ясно: Иван Кийко был на своем, не менее трудном месте.

Над палубой аппетитно пахло наваристым флотским борщом, макаронами с тушенкой. Краснофлотцы работали ложками, уплетали с тройным аппетитом. Насытившись, судачили. Поглядывали на море. Солнце только-только исчезло за горизонтом. По морским приметам, на завтра ожидалась хорошая погода: «Солнце красно с вечера – моряку бояться нечего».

Нечего ли?

Шло 9 августа 1941 года...

ИСПЫТАНИЕ

Незаметно спустилась тихая ночь. Не плескались возле темных бортов волны; натянутая якорь-цепь казалась впаянной в темную воду; вокруг, насколько хватал глаз, расстиралось величественное, тускло-лунное и тревожное море. Высоко в небе, где-то над самой головой, нудно и долго гудел чужой самолет, и сколько ни всматривались люди, ничего, кроме белоголубых, наполненных лунным светом перистых облаков, увидеть не могли...

Молодому сигнальщику померещился перископ подводной лодки – сыграли боевую тревогу...

На горизонте возникли очертания корабля. Только и на этот раз ошиблись. То было обыкновенное темное облако...

Взбужденные ложными тревогами, свободные от вахты люди не спали. Подсаживались к дежурным расчетам, негромко, почти шепотом, вели неспешные беседы...

Мошенский несколько раз делал строгое внушение лейтенантам за то, что люди не отдыхают, «шляются по палубе, а от нормального отдыха, в конце концов, зависит боевая готовность».

Лейтенанты сердито выговаривали своим подчиненным, отправляли их спать, но через некоторое время «лунатики» снова появлялись на палубе.

Мошенский и Середа всю ночь провели на мостике. Здесь, наверное, впервые явственно проявилась общая черта их характера – немногословие. Несколько часов простояли они рядом локоть к локтю, промолчали, но думали наверняка об одном.

Придут ли завтра тральщики, поставят ли противоторпедные сети? «Квадрат» должен быть огражден сетями. Их положено поставить вместе с «Квадратом», но почему-то не поставили.

К утру увеличили число наблюдателей за морем. Однако опасность пришла не оттуда, откуда ее ждали... Едва занялся рассвет, сигнальщики обнаружили группу самолетов противника, державших курс на плавбатарею. Ревун боевой тревоги выплеснул на палубу боевые расчеты плавбатареи. «Юнкерсов» было девять. Вытянувшись цепочкой и как бы привязавшись по радиусу к точке якорного стояния «Квадрата», они описывали широкую дугу, постепенно смещаясь к восточному направлению. Девять черных зловещих точек...

Малиновое полушарие солнца выкатилось из-за горизонта, и нетрудно было догадаться, что с его первыми слепящими лучами немецкие летчики намеревались атаковать.

Не отрывая от глаз бинокля, Мошенский прокричал:

– Лейтенант Лопатко! Внимательно следить за морем! Не исключена одновременная с ними атака подводной лодки!

– Есть, следить за морем! – откликнулся Лопатко. Стволы его стотридцаток «обнюхивали» горизонт...

«Юнкерсы» стали круто «затягивать» дугу, нацеливая острие ее на плавбатарею...

«Будет хуже, если они пойдут с разных направлений... – подумал Мошенский. – По высотам у нас огонь относительно отработан: 76-миллиметровые пушки будут бить свыше трех тысяч метров, а малокалиберные и пулеметы – до трех тысяч... Пока не похоже, чтобы немцы разделялись на группы... Пора!»

– Высота две пятьсот! – выкрикнул дальномерщик. Гул моторов напал на плавбатарею, накатывался, подобно огромной невидимой лавине...

– Батарея Хигера открыть огонь по головному! – скомандовал Мошенский, и это означало, что огнем своих 76-миллиметровых орудий будет управлять лейтенант Хигер.

Не медля ни секунды, Хигер подал необходимую серию команд, а когда головной «юнкерс» вошел в зону огня, резко скомандовал:

– Залп!

Дымные облачка разрывов тотчас же возникли перед головным самолетом. «Юнкерс» включил сирену и, пронзая дымы разрывов, устремился вниз. За ним выворачивал на боевой курс, ложился на крыло следующий...

В какой-то миг зенитчикам показалось, что нет на свете силы, способной остановить это яростное устремление, падение с высоты. По самим физическим законам природы брошенная тяжесть будет по вполне определенной траектории лететь к намеченной цели, к земле...

– лейтенант Даньшин! По головному... Завесу!

– Есть, завесу! – отозвался Даньшин.

Часто заухали три скорострельные автоматические пушки. Звук их был схож с хищным и требовательным: «Дай! Дай! Дай!»

76-миллиметровые орудия перенесли огонь на упреждение...

Небо перед пикирующим «юнкерсом» засверкало, заполнилось десятками огоньков, вспыхивавших и гаснувших в серых и белых дымах разрывов...

«Юнкерс» едва не натолкнулся на разрывы, но в какое-то последнее мгновение круто лег на крыло и ушел с боевого курса...

Черные капли сброшенных бомб, все увеличиваясь в размерах, неслись к морю правее плавбатарей.

Ухнули, встали дыбом четыре почти слившихся в один водяных столба-взрыва...

Зенитчики встречали следующий «юнкерс», а головной, злобно ревя моторами, крался в стороне. Три зенитных ДШК держали его на почтительном расстоянии, заставляли уходить несолоно хлебавши...

Со вторым «юнкерсом» внешне все выглядело так же, как и с первым, но в душах людей уже поселилось радостное чувство уверенности. Кто-то не выдержал, весело крикнул: «Ага, не нравится!» Подумалось: «Не так уж храбры немцы, чтобы лезть в пекло. Бояться!»

Третий «юнкерс» встретили еще более сосредоточенно и дружно. Он также сбросил бомбы в море...

Огонь перенесли на четвертый, когда с «носа» донеслось тревожное:

– Снаряды! Снаряды давайте!

Казалось, значителен был перед боем запас возле орудий, а постреляли несколько минут – и надо срочно подносить снаряды.

– Комиссар! Помогай! – коротко, между командами управления, крикнул Мошенский.

Середа не сразу понял смысл сказанного. Какое-то время топтался на месте, лицо его побледнело, но, собравшись, заспешил вниз: организовывать доставку боезапаса к носовым автоматам.

– Снаряды! Снаряды кончаются! – звучало над палубой.

Наверху, сгибаясь под тяжестью ящика, уже появились кок Иван Кийко, химик Василий Платонов... Трусцой семенил по палубе багровый от натуги, но преисполненный боцманского достоинства Бегасинский... Следом за ними с цинками пулеметных лент бежал к кормовому ДШК политрук Середа...

Четыре бомбовых столба-разрыва ухнули в нескольких десятках метров от борта плавбатарей. Шмелями прогудели осколки, дохнуло жаром, люди закашлялись от удушливых газов...

– Самолет с кормы! Первому и второму орудиям перенести огонь!

Люди действовали, как заведенные. С каждым отбитым самолетом, с каждым свернувшим с курса «юнкерсом» к действиям расчетов прибавлялось неуловимое на первый взгляд, но крайне важное качество – уверенность в себе, в своем оружии.

Ни один из фашистских летчиков не вошел в стену заградительного огня. Судя по всему, экипажи бомбардировщиков обладали большим боевым опытом и знали, чем грозит заход в зону буйства всех зенитных средств – орудий, автоматов и пулеметов...

Где-то на самой грани, у какого-то только им ведомого рубежа, фашистские летчики сворачивали с боевого курса, скользили стороной и «освобождали» свои бомболюки. Немцы действовали по намеченному плану, по схеме, выработанной перед вылетом, и никто из девятки «юнкерсов» не лез очертя голову в пекло, никто «не проявил характер», как метко сказал старшина Бойченко. Тридцать шесть бомб ухнуло в море. Тридцать шесть персонально адресованных плавбатарее бомб!..

«Юнкерсы» ушли. Люди распрямили спины, вытерли потные лица. Многих колотила нервная дрожь. Но нашлись и такие, которым прошедший налет был вроде бы и нипочем.

Алексей Рютин схватился со своим дружкой Костей Румянцевым, наводчиком третьего орудия.

– Ну, Костя, горазд ты порох жечь! Я все руки отмотал... Какие я тебе золотые снарядики таскал, а ты все раз – и мимо, раз – и мимо...

Рютин кивнул на разбросанные по палубе гильзы. Они действительно отливали, светились золотом...

– Как это «мимо»?! – без обиды в голосе, в тон другу отозвался Румянцев. – Ты что, не видел, каких они поросят на нас кидали? Таких боровов – будь здоров! Летит, визжит, и все в воду. Бултых! Бултых! А?

– Трепачи... – добродушно посмеивался старшина 2-й статьи Владимир Камынин, круглолицый крепыш, протирая платком черные очки. Камынин один из немногих на батарее носил фильтры, хотя такие же очки были выданы всем командирам орудий. – Чем травить, лучше гильзы подберите! – приказал Камынин, видя, что зенитчики из расчета Лебедева уже вовсю трудились, расчищая палубу возле своего орудия.

Люди работали весело, с шутками. Еще бы – выигран настоящий бой! Девять «юнкерсов» не смогли поразить плавбатареею, принявшую свой первый бой. Тут бы самое время старшему политруку Нестору Серее сказать людям свое жгучее комиссарское слово, но его, как и других, колотил озноб. Ему самому нужно было время, чтобы отойти от боя, поделиться сначала мнением с командиром.

Мошенский вытер платком лоб и шею. Жарко... Серые глаза его лихорадочно блеснули. Стараясь казаться спокойным, сказал капитану 1-го ранга – председателю госкомиссии:

– Из рубки управлять зенитным огнем нельзя. Ничего не видно.

– Да, возможно, вы правы... К боевой рубке надо привыкнуть. Тут своего рода моральный барьер. Одно дело – все видеть своими глазами, другое – по планшету... Впрочем, планшет оправдан при подходе целей с нескольких направлений, пока цели далеко, а когда начинается такая круговерть, вам, конечно, лучше находиться на мостике. Давайте подумаем, может, есть смысл сделать на лето и осень выносной планшет на верхней палубе...

Председатель был доволен результатом боя. «Точность огня хорошая» – посоветовавшись, единодушно решили члены комиссии.

Конечно, пока не удалось использовать и испытать главное – совместную боевую работу плавбатарееи и установленных на берегу радаров РУС – М-2 и РУС – М-3. Радары были принципиально новой техникой и здесь, в Крыму, впервые использовались в боевых действиях.

Представители комиссии на результаты боя плавбатарееи в целом смотрели глазами заводчан: «Плотность огня хорошая. «Квадрат» на воде устойчив. Обзор морской и воздушной обстановки позволяет вести боевые действия». Мошенский результатами боя был неудовлетворен.

Береговые радары о подходе девятки фашистских самолетов плавбатареею не предупредили... Радисты работе на планшете не обучены, но самое главное – сколько произведено выстрелов, сколько сожжено пороха, а всё в пустоту. Таблицы ТС-32 для ведения зенитного огня, составленные в 1932 году, те самые, по которым Мошенский в Ленинграде учился управлять боем, явно отставали от современных скоростей самолетов. Снаряды рвались с опозда-

нием. Таблицы необходимо срочно корректировать, а то и составлять заново. Досадно и то, что упустили такое, казалось бы, элементарное дело, как пополнение боезапаса во время боя. Ну и всякие прочие «мелочи»...

Мошенского точно током кольнуло. Вспомнил о противолодочной опасности.

– Лейтенант Лопатко! Как море?

Лейтенант отозвался, доложил, что за морем постоянно ведется неослабное наблюдение со всех точек плавбатарей. «Пока все спокойно!» «Со всех точек – это хорошо», – успокоился Мошенский и на всякий случай напомнил командиру отделения сигнальщикам, чтобы сигнальщики смотрели во все глаза: атака могла повториться.

Атака не повторилась. Часов в двенадцать заметили корабли. В одном из них сразу же опознали минный заградитель «Дооб». Корабли доставили противоторпедные сети и не мешкая приступили к их постановке...

Вечером командир «Дооба» старший лейтенант Иващенко, мешая русскую речь с украинской, докладывал Мошенскому:

– Все, командир. Огородили тебя сетями, як налива в ставку. – И, видя, что Мошенский не очень-то расположен к шуткам, сменил тон: – Поставили, значит, 36 противоторпедных сетей. С глубиной притопления 10–12 метров. Общий сектор ограждения 156 градусов. Под наши береговые батареи катера и лодки противника, думаю, не полезут... Как задымят буи, так бейте по ним из своих стотридцаток!

Мошенский поблагодарил Иващенко, напомнил, чтобы в ближайшие день-два подвез боезапас: «Многовато снарядов потратили...» Середя баском прогудел: «Девять самолетов, товарищи! Их ведь отбить надо было!»

К этому времени комиссар плавбатарей уже успел побеседовать с людьми, организовал выпуск боевого листка «Наш первый бой»...

– Молодцы! – с завистью сказал Иващенко. – Воюете, стреляете, немцев пугаете, а мы все возим-перевозим, даже мины не ставим... Ну да ладно. Пора, хлопцы.

Возле борта плавбатарей густо дымил «Дооб», и на него уже перешли представители госкомиссии. Только один из заводчан, воентехник 2-го ранга⁵, временно остался на плавбатарею для контроля и доводки механической части оружия.

– Не забудьте забрать! – полушутя-полусерьезно напомнил воентехник отъезжающим товарищам.

– Заберем, заберем! – весело обещали заводчане.

⁵ Соответствовало воинскому званию «лейтенант».

ПЕРИСКОП НАД ВОДОЙ

ХРОНИКА

«31 августа в 10 часов 25 минут по пеленгу норд на дистанции 21 кабельтовых был замечен дымящийся буй с движением на ост.

В 10.28 открыли огонь. В момент открытия огня замечен перископ подводной лодки. Огонь перенесен на перископ. После первых выстрелов перископ скрылся.

Затем перископ показался снова на дистанции 19 кабельтовых с движением на вост. После открытия огня перископ скрылся по пеленгу 294°.

Произведено 15 выстрелов.

В 16.27 по пеленгу 300° на дистанции 50 кабельтовых наблюдали взрыв большой силы.

Командир плавбатареи».

Радиограмма старшего лейтенанта С. Я. Мошенского контр-адмиралу В. Г. Фадееву.

«В 16.27 по пеленгу 300° на дистанции 50 кабельтовых наблюдали взрыв большой силы».

Что это было? Может, вражеская подлодка налетела на мину, может, внутри ее произошел взрыв? Неизвестно...

Осмотреть район взрыва не было возможности: «Квадрат» своих плавсредств не имел. Да и расстояние немалое – в сухопутном исчисления девять с лишним километров.

Мошенский сообщил в штаб ОБРа об атаке вражеской подлодки и о таинственном взрыве. Из штаба пообещали при возможности обследовать указанный район. (Известно, что после гибели подлодок на поверхности воды некоторое время держатся маслянистые пятна. Иногда плавают мелкие деревянные предметы...)

До самой темноты наблюдатели всматривались в неподвижную равнину моря, вслушивались в тишину. Расчетам стотридцаток было приказано отдыхать на палубе, ни на шаг не отходя от орудий...

В боевой рубке Мошенский собрал командиров. Сидячих мест не хватило. Лейтенанты Даньшин и Хигер стояли. Лейтенант Лопатко примостился на железном ящике-сейфе. Политрук Середа сел рядом с Мошенским за столом-планшетом.

Круглые морские часы показывали двенадцатый час ночи.

Мошенский встал, недовольно кашлянул, покосившись на доктора Язвинского. Тот сидел за маленьким боковым столиком в позе сугубо штатского человека – подперев ладонью щеку, развалившись, вытянув в проходе длинные ноги...

– Подведем итоги дня. Прежде всего – об атаке подводной лодки... Наблюдатели – молодцы. Думаю, что старшина второй статьи Бойченко вполне заслужил благодарность. Как считаете, комиссар?

– Вполне с вами согласен, – произнес Середа.

– Расслабляться нельзя, – продолжал Мошенский. – Ваши расчеты, товарищ лейтенант Лопатко, действовали неплохо. Прицельность стрельбы была хорошая. Реакция на команды своевременная. В целом, товарищи, считаю: мы дали достойный отпор подводному противнику.

– Они, товарищ старший лейтенант, навряд ли еще сунутся, – весело сказал круглолицый сияющий Михаил Лопатко. – Нас с кондачка не возьмешь!

Лейтенанта можно было понять. Почти месяц находилась плавбатарея в море. Зенитчики уже воевали, а расчеты стотридцаток все в готовности, все «на подхвате». Люди ждали своего часа, и, конечно, приятно, что, когда этот час настал, не оплошали, помогли плавбатарею, получили боевое крещение.

– Я тоже считаю, что нас с кондачка не возьмешь, – улыбнулся Мошенский. Улыбка преображала его, делала мягче, а главное, сразу как-то уравнивала с подчиненными ему командирами, на лицах которых была радость. Мошенский поспешил придать лицу обычное выражение. Пристально взглянул на стоящего возле двери Хигера. Тот беззаботно покусывал спичку... – Однако, должен сказать, мне не понравилось сегодняшнее поведение ваших, товарищ лейтенант Хигер, подчиненных...

И без того худое лицо лейтенанта удивленно вытянулось, большие миндалевидные глаза несколько растерянно глянули на командира плавбатареи.

– Военные действия ведь... Война, товарищ лейтенант! А ваши люди кричали, махали руками, как на футболе. Нашли время и место, где «болеть»!

Хигер отвел глаза. Действительно, было такое. Артиллеристы Миши Лопатко стали «укладывать» снаряды точно за дымящийся буй, потом по перископу хорошо положили, и всем, в том числе самому Семену Хигеру, очень хотелось, чтобы из глубины моря вырвался на поверхность столб огня, чтобы вражеская лодка погибла. Хигер наблюдал за воздухом и за морем и в горячке как-то упустил из виду эмоции подчиненных.

– Бодрый дух, вера в нашу скорую победу – это, безусловно, хорошо. Мы должны всячески укреплять такую веру. Но меня беспокоит беспечность многих наших краснофлотцев. Я не уверен, что они сознают, какую опасность несет в себе атака подводной лодки. Прошу срочно разъяснить, что для дерзкой атаки врагу достаточно всего нескольких минут нашей беспечности. Лодка может выйти на исходную позицию, всплыть и дать залп... С надводного положения. Да, с надводного, товарищ Язвинский, не удивляйтесь. Что же ей остается делать, если мы ограждены противоторпедными сетями?

– А еще этими, как их... булями! – попытался дополнить доктор, имея в виду специальные полые «приливы» на корпусе плавбатареи с целью защиты от торпедного удара.

– Були не для того сделаны, чтобы в них торпеды попадали. Були булями, а бдительность... Лейтенант Лопатко! Разве я что-нибудь смешное сказал?

Лопатко смущенно повел головою, улыбка не сходила с его лица.

– Да нет, товарищ старший лейтенант. Просто сочетание слов такое подобралось: «були булями»...

Все засмеялись. Засмеялся и Мошенский. Лопатко вытирал рукой слезы...

– Действительно, неудачное сочетание... – уже сухо продолжил Мошенский. – Итак, утроенная бдительность за морем, за воздухом. И работа, работа с людьми. Экипаж мы молодой, новый. Надо, как говорится, сколачиваться, поскорее узнавать деловые качества людей, обучать их каждую свободную минуту...

Хигер слушал командира плавбатареи и думал: «На сколько он старше нас, лейтенантов? Ему двадцать шесть. Выходит, на три-четыре года всего... А напускает на себя строгость и солидность, точно ему сорок лет и командует не плавбатарею, а по крайней мере эсминцем. На «Москве» командир корабля всех своих командиров по имени-отчеству называл... А этот Мошенский только и знает: «Товарищ лейтенант Хигер! Товарищ лейтенант Данышин!» Ведь служил же на солидном корабле... Мошенский словно боится раскрыться, боится, что мы узнаем, какой он настоящий... На кого он похож, кого он мне напоминает? Степенный, уверенный, безапелляционный в своих суждениях...»

И Хигер вспомнил! Ну да, конечно, Сергей Мошенский напоминает ему учителя истории: был у них в детдоме такой учитель. Потому и кажется, вот-вот Мошенский вместо указаний скажет: «Тема сегодняшнего урока...»

– Запомните или запишите, товарищи, – сказал Мошенский, – завтра, при любых обстоятельствах, как только выдастся свободная минута, проводите занятия с людьми по материальной части оружия и теории зенитной стрельбы. Я займусь с радистами и планшетистами. Вопросы? Нет вопросов.

Хигер невольно улыбнулся.

«ТРУМНЫЙ РУТИН»

Бельбекский залив сиял бирюзою. В прозрачных, начавших холодать водах лениво «парили» похожие на китайские фонарики медузы, ближе к поверхности держались стайки серебристой крупной кефали...

Пользуясь затишьем, Мошенский проводил со всем личным составом занятие по методам борьбы зенитной артиллерии с пикирующими бомбардировщиками противника.

Моряки сидели на палубе плотной группой. У многих на коленях были для «жесткости» книги и на них положены листки бумаги... Кое-кто авторучкой (счастливы: авторучка была большой редкостью), а большинство карандашом старательно записывали то, о чем говорил старший лейтенант Мошенский.

Ветер загибал края листов, шевелил ленты бескозырок, силился сдуть натянутую между двух деревянных реек и висящую на тыльной стороне рубки крупную схему, специально вычерченную для этого занятия. Лейтенанты расположились позади подчиненных, у прожектора. Семен Хигер стоял возле железного ящика, который служил ему сейчас одновременно и опорой, и столом. Голос Мошенского звучал ровно и спокойно, как, наверное, когда-то и для него на курсах зенитчиков звучал голос преподавателя тактики:

– Главная особенность пикировщиков состоит в том, что скорость их движения быстро меняется. Следовательно, нам надо распределять огонь в направлении движения вражеского самолета... Тогда, благодаря растянутости залпа, цель будет накрыта эллипсом рассеивания. Пикирование самолеты противника могут начинать с 2–5 тысяч метров и заканчивать на высоте 600—1000 метров. Наводчикам и командирам орудий в первую очередь надо выработать точный глазомер и быструю реакцию на обстановку и на команды. Помните, товарищи, что наши первые залпы могут стать самыми результативными, так как они неожиданны для противника и он еще не начал против них свой маневр. Допустим, вражеский самолет заходит со стороны солнца вот с этого курса... Какой у нас здесь курс, краснофлотец Сиволап?

– Здесь? – С палубы встает худощавый, похожий на подростка краснофлотец. Несколько растерянно смотрит в сторону вытянутой руки Мошенского.

– Да, здесь, товарищ Сиволап.

– Примерно... Сейчас скажу... – подсчитывал в уме матрос.

Мошенский прервал его:

– Пока вы считали, самолет противника переместился и находится уже здесь. Прошу быстро отсчет!

Сиволап покраснел и окончательно растерялся. Кто-то из сидящих с ним рядом моряков засмеялся.

– Ничего смешного! – резко прервал смех Мошенский. – Рютин, помогайте! Сидя, сидя отвечайте! Не тратьте времени на вставание, а коль встаете – тотчас же отвечайте. Итак, сколько?

Лейтенант Хигер в нетерпении вытянул и без того тонкую шею из стоячего воротника кителя, но Рютин молчал. Даже не пытался подсчитывать, поглядывал на товарищей, ожидая подсказки...

– Сто двадцать градусов! – ответил за Рютина Сиволап. – А до этого сто десять...

– Правильно, товарищ Сиволап. Только отвечать надо сразу. Оба садитесь. Будьте внимательнее, товарищи. Буду спрашивать любого, и неожиданно. Итак, продолжаем. Самолет противника идет курсом сто двадцать градусов на высоте 4000 метров.

Рука Мошенского с зажатым в ней карандашом снова скользила по схеме. Моряки внимательно слушали его, только один склонил голову и что-то писал. Мошенский был увлечен и не замечал этого, но Хигер впился взглядом в моряка. «Рютин... Чего он там все пишет?»

Не может же он сейчас записывать то, о чем говорит командир. Обычная задачка на соображение, так сказать, на живость ума. А Рютин все пишет. Жаль, нельзя подойти посмотреть. Плотненько возле него сидят зенитчики...»

Едва закончилось занятие и моряки стали расходиться, лейтенант ринулся к Рютину. Тот засовывал за угол форменки авторучку. Получался своего рода флотский шик: медная стрелка, держатель колпачка авторучки, красиво поблескивала на темном фоне форменки.

– Товарищ Рютин! – обратился к нему лейтенант. – Отойдите в сторонку... Так... Ответьте, что это вы все время писали? Даже тогда, когда командир давал задачи на сообразительность и быстроту?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.